

LADY
FANTASY

КАРАВАН

СТЕФАНИ ГАРБЕР

Великолепная, завораживающая книга о любви,
утрате, жертвенности и надежде.

Publishers Weekly

Annotation

Скарлетт, дочь губернатора одного из Покоренных островов империи Элантинов, с детства мечтала принять участие в Каравале – полном волшебства спектакле, удивительной игре, которую ежегодно устраивает некий таинственный человек, известный как магистр Легендо. И вот в один прекрасный день девушка наконец-то получает пригласительный билет. Однако ее одолевают сомнения: разумно ли отправляться на далекий остров накануне собственной свадьбы, пусть даже победителю на сей раз и обещан уникальный приз – исполнение заветного желания? Недаром участников игры неизменно предупреждают: «Оживший сон прекрасен, но он может превратиться в кошмар для того, кто не проснулся». *Впервые на русском языке!*

Стефани Гарбер

Караваль

Stephanie Garber
CARAVAL

Copyright © 2017 by Stephanie Garber
All rights reserved

© М. Николенко, перевод, 2017

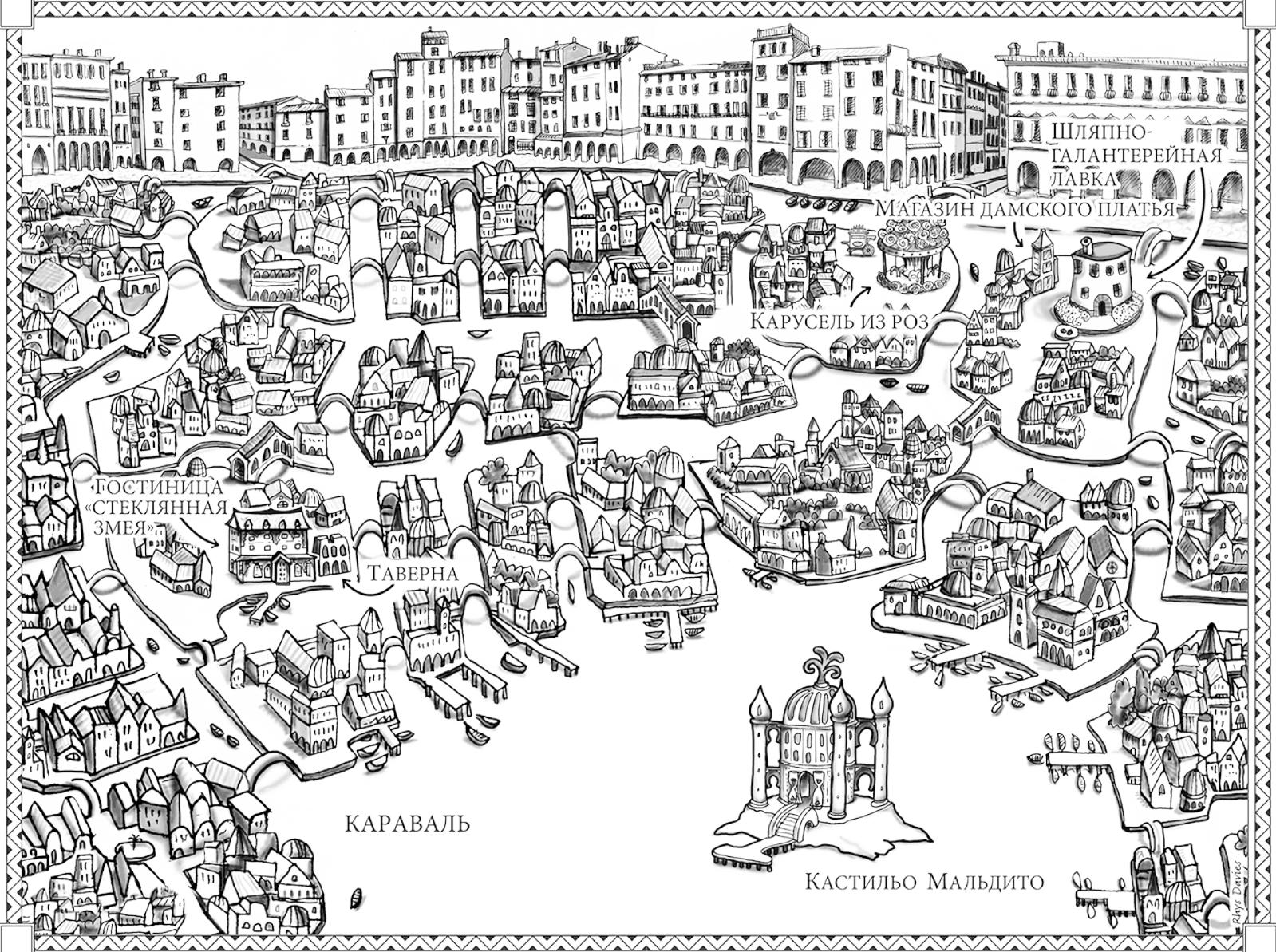
© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2017

Издательство АЗБУКА®

* * *

*Посвящается маме и папе,
благодаря которым я поняла, что такое беззаветная любовь*

ШЛЯПНО-ГАЛАНТЕРЕЙНАЯ ЛАВКА

МАГАЗИН ДАМСКОГО ПЛАТЬЯ

КАРУСЕЛЬ ИЗ РОЗ

ГОСТИНИЦА «СТЕКЛЯННАЯ ЗМЕЯ»

ТАВЕРНА

КАРАВАЛЬ

КАСТИЛЬО МАЛЬДИТО

Raye Dentice

Целых семь лет Скарлетт отправляла письма, прежде чем наконец-то получила ответ.

50-й год правления Элантинов

Многоуважаемый господин хозяин Каравая!

Меня зовут Скарлетт, но пишу я не для себя, а для своей младшей сестренки Теллы. Она скоро именинница, и ей бы очень хотелось посмотреть на Вас и на Ваших прекрасных артистов. День рождения у нее тридцать седьмого числа Поры Произрастания. Если Вы приедете, это будет такой чудесный праздник, каких мы еще никогда не видали.

В надежде на встречу,

Скарлетт с Покоренного острова Трисда

51-й год правления Элантинов

Многоуважаемый господин хозяин Каравая!

Снова пишет Вам Скарлетт. Дошло ли до Вас мое предыдущее письмо? Теперь моя сестренка Телла говорит, будто она уже достаточно взрослая, чтобы праздновать день рождения, но мне думается, она просто расстроена тем, что Вы все не едете на наш остров. Нынче в Пору Произрастания ей исполнится десять, а мне – одиннадцать. Хоть она и не признается, но ей по-прежнему очень хочется увидеть Вас и Ваших чудесных артистов.

В надежде на встречу,

Скарлетт с Покоренного острова Трисда

52-й год правления Элантинов

Многоуважаемый господин магистр Легендо!

Извините, что в первых двух письмах неправильно к Вам обратилась. Надеюсь, Вы не по этой причине не приезжаете к нам. Я не только из-за дня рождения сестренки просила Вас привезти на Трисду Ваших чудесных артистов. Мне и самой очень хочется на них посмотреть.

Простите за короткое письмо. Отец рассердится, если увидит, что я Вам пишу.

В надежде на встречу,

Скарлетт с Покоренного острова Трисда

52-й год правления Элантинов

Многоуважаемый господин магистр Легендо!

Я услышала грустную новость и выражаю Вам свои соболезнования. Хоть Вы и не приехали к нам на остров и не ответили ни на одно из моих писем, я знаю: Вы не убийца. Мне очень жаль, что некоторое время Вы не сможете путешествовать.

Желаю Вам всего самого доброго!

Скарлетт с Покоренного острова Трисда

55-й год правления Элантинов

Многоуважаемый магистр Легендо!

Помните ли Вы меня – Скарлетт с Покоренного острова Трисда? С тех пор как я писала Вам в последний раз, прошло несколько лет. Я слышала, что Вы с Вашими артистами снова даете представления. Сестра говорит, якобы Вы никогда не приезжаете в одно и то же место дважды. Но хотя Вы уже были у нас полвека тому назад, с тех пор многое изменилось, и я уверена: никто другой в целом мире не хочет увидеть Ваше представление так сильно, как я.

В надежде на встречу,

Скарлетт

56-й год правления Элантинов

Многоуважаемый магистр Легендо!

Я слышала, что в минувшем году Вы посетили столицу Южной империи и изменили там цвет неба. Это правда? Мы с сестрой очень хотели бы побывать на Вашем представлении, но нам нельзя покидать Трисду. Иногда мне кажется, что я вообще никогда никуда не уеду с Покоренных островов. Может, именно поэтому я так мечтаю о том, чтобы Вы и Ваши артисты приехали сюда. Вероятно, просить Вас об этом снова – напрасно. Но все же я не перестану надеяться, что однажды увижу Вас.

Скарлетт с Покоренного острова Трисда

57-й год правления Элантинов

Многоуважаемый магистр Легендо!

Это мое последнее письмо к Вам. Скоро меня выдают замуж. Может, это и к лучшему, что Вы с Вашими артистами не приедете на наш остров в этом году.

Скарлетт Дранья

57-й год правления Элантинов

Дорогая Скарлетт Дранья с Покоренного острова Трисда!

Поздравляю Вас с предстоящим замужеством. К сожалению, я никак не могу привезти свою труппу на Трисду. В этом году мы не гастролируем.

На наше следующее представление зрители допускаются только по пригласительным билетам, однако я буду рад видеть Вас, если Вы с Вашим женихом сможете покинуть остров и приехать к нам.

Прошу принять прилагаемое в качестве свадебного подарка.

Легендо, магистр Каравала

2

Чувства Скарлетт расцвели еще ярче обыкновенного: они запестрели красным жаром горящих углей, нетерпеливой зеленью свежей травы, неистовой желтизной оперения летящей птицы. Наконец-то магистр Легендо ответил! Она перечитала письмо еще раз и еще, жадно вглядываясь в каждую чернильную черточку, в каждый изгиб узора, отпечатанного на серебристом воске: солнце, внутри его – звезда, а внутри звезды – слезинка. Водяные знаки с этим же символом различались на приложенных к письму полосках бумаги. Нет, это был не розыгрыш!

– Донателла! – крикнула Скарлетт, спускаясь в винный погреб по крутой лестнице. Нос девушки уловил знакомый запах дубовых досок и черной патоки. Однако чертовки-сестры нигде видно не было. – Телла, ты где?

Масляные лампы бросали янтарные отсветы на бочонки и бутылки с ромом. Проходя мимо них, Скарлетт слышала стоны и тяжелое дыхание. Видимо, после битвы с отцом Телла хлебнула лишку и задремала прямо на полу.

– Дона... – пробормотала Скарлетт и осеклась.

– Здравствуй, Скар!

Припухшие губы младшей сестры раскрылись в нахальной белозубой улыбке. Золотисто-медовые кудри растрепались, шаль упала с плеч. За талию Донателлу обеими руками обнимал молодой моряк – именно это и поразило Скарлетт.

– Я вам не помешала?

– Мы не делали ничего такого, чем не сможем заняться опять, – ответил парень.

Он говорил по-южному напевно. Здесь, в Меридианной империи, интонации были более резкими. В ответ на шутку своего кавалера Телла хихикнула, приличия ради слегка покраснев.

– Скар, ты ведь знакома с Хулианом? – произнесла она.

– Рад тебя видеть, Скарлетт, – сказал Хулиан, и его прохладная улыбка показалась старшей из сестер соблазнительной, как островок тени в Пору Зноя.

Скарлетт прекрасно знала, что полагается ответить что-нибудь вроде: «Я тоже рада нашей встрече», – но не могла думать ни о чем, кроме рук парня, которые по-прежнему играли с голубовато-фиолетовыми юбками Теллы и кисточками ее турнюра, будто девушка была свертком, который ему хотелось поскорее распаковать.

Хулиан приехал на остров Трисда всего лишь около месяца тому назад. Когда он

горделиво сошел с корабля – высокий, красивый, загорелый, – почти все женщины устремили на него взгляды. Даже Скарлетт на секунду повернула голову, но ей хватило ума поскорее найти другой объект для наблюдения.

– Я украду тебя на минутку, – сказала она Телле, вежливо кивнув Хулиану, а как только они с сестрой, петляя среди бочек, отошли от него на достаточное расстояние, негодуяше прошептала: – Что ты делаешь?!

– Скар, ты ведь скоро выходишь замуж! Я думала, ты знаешь, что делают друг с другом мужчина и женщина, – ответила Телла, лукаво подмигнув сестре.

– Я совсем не о том спрашиваю. Ты подумала, что будет, если вы попадетесь на глаза отцу?

– Подумала. И решила не попадаться.

– Пожалуйста, говори серьезно!

– Я и говорю серьезно. Если отец поймает нас, я заподозрю, что это твоя заслуга, – сказала Телла, ядовито улыбнувшись, и посмотрела на письмо, которое Скарлетт держала в руках. – Но ты, надо полагать, пришла не затем, чтобы об этом поговорить?

Золоченые края листка мерцали в мутном свете фонаря, обещая нечто волшебное и желанное. Так же блестели и буквы на конверте:

Священнику губернаторской часовни

(для Скарлетт Драньи)

Остров Трисда

Покоренные острова, Меридианная империя

Телла так и впиалась взглядом в необычный конверт. Эту девушку неизменно привлекало все красивое – вот и моряк, который ждал ее сейчас за бочками, был мужчина эффектный. Частенько, потеряв какую-нибудь симпатичную безделушку, Скарлетт находила ее припрятанной в комнате младшей сестры. Но сейчас Телла не пыталась завладеть конвертом. Она стояла опустив руки, словно послание нисколько ее не интересовало.

– Что, – спросила она, – очередное письмо от графа?

Слово «граф» Телла буквально выплюнула: оно прозвучало в ее устах как «черт». Скарлетт сперва хотела было сказать что-нибудь в защиту жениха, но, зная мнение сестры о предстоящей свадьбе, решила понапрасну не стараться. Во всей Меридианной империи такие браки были делом обычным, и на протяжении нескольких месяцев граф аккуратно присылал нареченной любезнейшие письма, однако Телла все равно не желала понимать, как можно выйти замуж за того, кого ни разу в жизни не видела. Однако саму невесту мысль о том, чтобы остаться на острове Трисда навсегда, страшила куда больше, чем брак вслепую, с незнакомцем.

– Так что у тебя там? Скажешь ты наконец?

– Письмо не от графа, – тихо произнесла Скарлетт. Ей не хотелось, чтобы моряк их услышал. – Оно от магистра Каравалья.

– Он тебе ответил?! – Донателла вырвала конверт из рук сестры. – Божьи зубы!

– Тихо! – зашипела Скарлетт, толкая ее назад, к бочкам. – Еще услышит кто-нибудь!

– Ну разве можно не отпраздновать такое событие?! – восхитилась Телла, доставая из конвертика три полоски бумаги. В свете лампы водяные знаки сначала загорелись золотом, как края письма, а потом приняли угрожающий кровавый оттенок. – Ты это видишь?! –

ахнула младшая сестра, когда на одном из пригласительных билетов возникли вычурные серебристые буквы, медленно сложившиеся в слова: «Приглашение на одно лицо. Донателла Дранья, Покоренные острова».

На второй полоске появилось имя Скарлетт, а на третьей было написано только: «Приглашение на одно лицо». На всех трех билетах, в самом низу, стояло название незнакомого девушкам места – Исла-де-лос-Суэньос^[1]. Безымянное приглашение предназначалось, очевидно, жениху Скарлетт, и она подумала, как чудесно было бы посетить Караваль вместе с ним сразу после свадьбы.

– Смотри! Здесь еще что-то написано! – взвизгнула Телла, увидев, как на билете проступают новые строчки:

«Данное приглашение дает право однократного доступа на Караваль. Главные ворота будут закрыты в полночь 13-го дня Поры Произрастания 57-го года правления Элантинов. Прибывшие позже не смогут участвовать в игре, победитель которой получит приз – исполнение одного желания».

– Осталось только три дня, – сказала Скарлетт, и яркие цвета, в которые сперва окрасилось все вокруг, сменились привычной серостью разочарования.

Надеяться на чудо (пусть даже всего каких-нибудь несколько минут) было так глупо! Если бы представление давали через три месяца или хотя бы через три недели... Когда угодно, только бы после свадьбы! Точную дату торжества отец скрывал, но Скарлетт знала, что в ближайшие три дня ее графу точно не отдадут. Уехать до замужества? Это было бы невероятно опасно, если вообще возможно.

– Посмотри, какой в этом году приз! Исполнение любого желания! – сказала Донателла.

– Я думала, ты не веришь в подобные глупости.

– А я думала, что ты обрадуешься такому приглашению. Да за эти билеты многие люди решились бы на убийство!

– Чтобы попасть на представление, мы должны уехать с острова! Или ты не поняла? – Как бы сильно ни мечтала Скарлетт увидеть Караваль, выйти замуж она хотела еще больше. – Да чтобы добраться до места за три дня, нам, возможно, пришлось бы выехать уже завтра.

– С чего ты взяла, будто я тебя уговариваю?

Когда Донателле было весело, ее глаза ярко блестели, заставляя весь мир вокруг искриться. Обычно в таких случаях Скарлетт тоже хотелось улыбаться и во всем соглашаться с сестрой, но она слишком хорошо знала, насколько неблагоприятно верить во что-то столь призрачное, как исполнение желания. Ей тяжело было отравлять радость Теллы, однако иного выхода не было. Лучше сразу покончить с пустыми надеждами. Постаравшись придать голосу жесткость, Скарлетт сказала:

– Вы что там, не только целовались, но еще и рому напились? Забыла, что отец сделал в прошлый раз, когда мы попытались сбежать с острова?

Телла поморщилась, превратившись вдруг в беззащитную хрупкую девушку, какой, собственно, она и была, хотя изо всех сил старалась хорохориться. Но это продолжалось лишь одно мгновение. Уже в следующую секунду розовые губки снова изогнулись в привычной беззаботной улыбке. Ранимость сменилась неуязвимостью.

– Подумаешь, это же было два года назад. Теперь мы стали хитрее.

– Но теперь нам есть что терять, – не сдавалась Скарлетт.

Донателле проще было отогнать от себя воспоминания об их неудавшейся попытке увидеть Караваль. Скарлетт не стала рассказывать Телле обо всем, что сделал с ней тогда отец. Она не хотела пугать сестренку: вовсе ни к чему, чтобы та тоже постоянно оглядывалась через плечо, зная, какие ужасы припасены у грозного папаши вдобавок к привычным наказаниям.

– Ты боишься расстроить свадьбу? – спросила Донателла, зажав билеты в руке.

Скарлетт выхватила их:

– Осторожней, а то помнешь края.

– Ты не ответила! Дело в твоей свадьбе?

– Конечно же нет. Дело в том, что мы не можем прямо завтра отсюда уехать. Мы даже не знаем, где находится это место – Исла-де-лос-Суэньос. Никогда о нем не слышала, но это точно не на Покоренных островах.

– Зато я знаю, где это, – сказал Хулиан, выходя из-за бочек с ромом.

Судя по широкой улыбке, он не собирался извиняться за то, что подслушал беседу, не предназначенную для его ушей.

– Не лезь не в свое дело, – ответила Скарлетт, недовольно махнув рукой.

Хулиан посмотрел на нее так удивленно, будто до сих пор ни одна девушка не говорила ему «нет».

– Я же только помочь хотел! Вы об этом острове никогда не слышали, потому что он не принадлежит Меридианной империи. И вообще никакой империи не принадлежит. Это частное владение магистра Легендо. Доплыть туда можно за пару дней, и, если хотите, я тайком посажу вас на свой корабль. Разумеется, не бесплатно.

И Хулиан выразительно посмотрел на третий билет. Его светло-карие глаза, обрамленные густыми ресницами, казалось, были специально созданы на погибель девушкам. Скарлетт вдруг вспомнились недавние слова Теллы: «Да за эти билеты многие люди решились бы на убийство!» Как ни очарователен был Хулиан, однако говорил он с южным акцентом, а в Южной империи (это все знали) царило полнейшее беззаконие.

– Нет, – решительно заявила Скарлетт, – нас могут поймать. Слишком опасно.

– Для нас опасно все, – парировала Телла. – Если отец застучает нас здесь с этим мальчиком – жди беды.

Хулиана явно обидело то, что его называли мальчиком, однако прежде, чем он успел возразить, Телла продолжила:

– Жизнь вообще полна опасностей. Но сейчас игра стоит свеч. Скар, ты же всегда мечтала попасть на представление магистра Легендо, загадывала это каждый раз, когда видела падающую звезду, и всякий раз, когда в порт входил какой-нибудь корабль, молилась, чтобы на нем оказались его артисты. Ты хочешь поехать еще сильнее, чем я.

Бросив взгляд на билеты, Скарлетт вспомнились слова покойной бабушки: «Караваль невозможно описать словами. На самом деле это не просто спектакль или игра. В целом мире нет ничего более похожего на волшебство». Чудесные истории, которые Скарлетт, затаив дыхание, слушала в детстве, словно бы ожили. Испытывая сильные чувства, она всегда видела цветные вспышки. Сейчас ей так захотелось поехать, что все внутри окрасилось золотом. Всего на миг девушка позволила себе представить, каково это – попасть на загадочный остров, принять участие в игре и выиграть исполнение желания. Свобода. Возможность выбора. Чудеса. Волшебство.

Какая прекрасная, но нелепая фантазия! Пускай уж мечты так и остаются мечтами! То,

что они сбудутся, казалось Скарлетт не более вероятным, чем, скажем, встреча с единорогом. В детстве она верила в бабушкины сказки о Каравале, но, повзрослев, предпочла их забыть. Ей еще ни разу не встречались доказательства того, что волшебство действительно существует. Вероятно, старая женщина просто рассказывала внукам небылицы.

В глубине души Скарлетт по-прежнему хотела увидеть все великолепие Каравала, но отчетливо понимала: его магия едва ли изменит ее жизнь к лучшему. Единственным человеком, который и впрямь мог это сделать, был граф, жених Скарлетт.

Оказавшись в стороне от света лампы, билеты снова превратились в обыкновенные полоски бумаги: надписи исчезли.

– Телла, пойми же, это слишком большой риск. Если мы попытаемся уехать... – Скарлетт вдруг осеклась, заслышав скрип лестницы.

Различив тяжелый топот башмаков – по меньшей мере трех пар, – она испуганно посмотрела на младшую сестру. Та, выругавшись, жестом велела Хулиану спрятаться.

– О, пожалуйста, не исчезайте! – произнес губернатор Дранья.

Войдя в погреб, он сразу же отравил его пахучий воздух резким ароматом своего одеколона. Скарлетт быстро сунула письмо и приглашения в карман платья. За отцом неотступно следовали три гвардейца.

– Мы с вами, кажется, прежде не встречались? – Не обращая ни малейшего внимания на дочерей, он протянул Хулиану руку, облаченную в перчатку лилового цвета – то был цвет власти и... синяков.

Если бы отец сразу снял перчатку, было бы еще хуже. Губернатор Дранья, воплощенная любезность, любил одеваться с иголочки. Сегодня он красовался в безупречно сшитом черном сюртуке и полосатом жилете. В отличие от большинства ровесников (а было губернатору лет сорок пять или около того), он не позволял своему телу обрастать жиром. Согласно последней моде, его светлые волосы были собраны на затылке черной лентой, завязанной аккуратным маленьким бантом. Брови он выщипывал, а бороду носил клином.

На Хулиана губернатор смотрел свысока, хотя и был ниже его ростом. Скарлетт заметила, как отец оценивающе оглядел залатанную коричневую куртку и широкие штаны моряка, заправленные в поношенные высокие ботинки. Как будто нисколько не смутившись, молодой человек решительно пожал протянутую ему руку в лиловой перчатке и произнес:

– Рад встрече, сударь. Позвольте представиться: Хулиан Марреро.

– Марчелло Дранья, губернатор острова.

Хулиан попытался высвободиться, но хозяин дома не отпускал его руку.

– Вы, должно быть, не здешний житель? – поинтересовался он.

На этот раз молодой человек некоторое время колебался, прежде чем ответить:

– Нет, сударь. Я моряк. Первый помощник капитана на судне «Эль Бесо Дорадо»^[2].

– Так, значит, вы у нас ненадолго, – улыбнулся губернатор. – Мы любим моряков. Они обогащают нашу казну: немало платят за то, чтобы пристать, а сойдя на сушу, тратят еще больше. Теперь прошу ответить: пришелся ли вам по вкусу мой ром? – Взмахнув свободной рукой, Дранья указал на бочонки. – Ведь именно ром, как я полагаю, вы здесь пробовали? – Ответа не последовало. Губернатор еще сильнее сжал руку Хулиана. – Может, вы находите его недостаточно вкусным?

– Да... то есть нет, сударь. Все, что я попробовал, было отменно.

– Включая и моих дочерей? – Скарлетт при этих словах вся сжалась. А отец продолжал: – По вашему дыханию я не чувствую, чтобы вы пили. И я также уверен, что вы

пришли сюда не затем, чтобы играть в карты или читать молитвы. Так отвечайте, которую из моих дочерей вы попробовали на вкус?

– О нет, сударь, вы заблуждаетесь! Как можно? – Хулиан покачал головой и так округлил глаза, будто никогда в жизни даже и не помышлял о подобном бесстыдстве.

– Скарлетт! – выпалила Телла. – Я спустилась сюда и застала их.

«Только не это!» – ужаснулась старшая сестра, мысленно ругая младшую за глупость.

– Отец, Донателла лжет! Она сама была с ним! Это я их застукала!

Лицо Теллы побагровело.

– Скарлетт, не отпирайся! Будет только хуже!

– Я говорю правду! Отец, это была Телла. Неужели вы думаете, будто я могла совершить подобный проступок за несколько недель до свадьбы?

– Отец, не слушайте ее, – снова вмешалась Телла. – Я слышала, как они шептались: Скарлетт решила напоследок развлечься.

– Опять ложь!

– Довольно! – Дранья посмотрел на Хулиана, чью загорелую руку до сих пор крепко сжимал в своей руке, затянутой в надушенную перчатку. – У меня есть основания не верить дочерям, поэтому придется понадеяться на вашу откровенность. Скажите мне сами, молодой человек, с которой из них вы уединились в погребе?

– Думаю, здесь какая-то ошибка...

– Ошибок я не допускаю никогда, – отрезал губернатор. – Даю вам последнюю возможность сказать мне правду, в противном случае...

Гвардейцы сделали шаг вперед. Хулиан растерянно посмотрел на Теллу. Та мотнула головой и, беззвучно шевеля губами, проговорила:

– Скарлетт.

Скарлетт хотела перехватить взгляд Хулиана и объяснить моряку, что тот поступает неправильно, но по выражению лица поняла: его не остановишь.

– Это была Скарлетт, – ответил он.

Безрассудный мальчишка! Несомненно, он думает, будто оказывает Донателле услугу, однако на самом деле это вовсе не так.

Отпустив Хулиана, губернатор снял надушенные перчатки и сказал старшей дочери:

– Я предупреждал тебя, что будет, если ты меня ослушаешься.

– Пожалуйста, отец, не сердитесь, мы только раз поцеловались...

Скарлетт попыталась заслонить Теллу, но один из гвардейцев оттащил ее в сторону и, встав сзади, грубо схватил за локти, чтобы она не могла помешать расправе. Кару за преступление, которое приписывалось старшей сестре, должна была понести младшая. Всякий раз, когда одна из дочерей проявляла неповиновение, губернатор Дранья причинял боль второй.

На правой руке он носил два крупных перстня: один с квадратным аметистом, другой – с заостренным фиолетовым бриллиантом. Повертев их на пальцах, он отвел руку назад и ударил Теллу по лицу.

– Не надо! Это я виновата! – закричала Скарлетт.

Глупо было надеяться, что это остановит отца.

– За ложь! – сказал отец, ударив Теллу еще раз.

Второй удар оказался сильнее первого. Девушка упала на колени. По ее щеке заструилась кровь. Губернатор, удовлетворенно кивнув, вытер кулак о жилет одного из своих

гвардейцев. Потом повернулся к Скарлетт. Ей вдруг показалось, что он стал выше ростом – а может, это она сама усохла от ужаса. Видя, как отец бьет сестру, бедняжка так страдала, что причинить ей еще более сильную боль он уже не мог.

– Смотри! Не вздумай разочаровать меня снова!

– Простите, отец. Я совершила глупость, ужасную ошибку. – Скарлетт несколько не покривила душой: пусть Хулиан вовсе не ее собирался «попробовать на вкус», она все равно чувствовала себя виноватой, потому что опять не смогла защитить Теллу. – Такое больше не повторится.

– Надеюсь. – Снова натянув перчатки, губернатор достал из кармана сюртука сложенный листок бумаги. – Вероятно, мне не следует отдавать это письмо в твои руки, однако пусть оно напомнит тебе о том, чего ты можешь лишиться. Твоя свадьба назначена уже через десять дней, в конце следующей недели, двадцатого числа. Имей в виду: если свадьба не состоится, у твоей сестры будет кровоточить не только лицо.

3

Скарлетт по-прежнему чувствовала запах отцовского одеколона – лиловый, как и его перчатки. Лаванда и анис смешивались в этом неприятном аромате с чем-то вроде гниющей сиреневой сливы. Сам отец уже ушел, а воздух вокруг Теллы все еще пах его одеколоном. Скарлетт села рядом с сестрой и стала ждать, когда горничная принесет бинты и средство, чтобы обработать раны.

– Зря ты не дала мне сказать правду. Меня бы он так сильно не ударил. Ведь я через десять дней выхожу замуж.

– Даже если бы отец и не стал бить тебя по лицу, то все равно придумал бы что-нибудь ужасное. Может, сломал бы тебе палец, и ты бы не смогла закончить вышивать свадебное покрывало. – Телла закрыла глаза и, откинувшись назад, прислонилась к бочонку с ромом. Ее щека стала почти одного цвета с проклятыми отцовскими перчатками. – Потом, наказание заслужила я, а не ты – так что все справедливо.

– Такого никто не заслуживает, – произнес Хулиан. Это было первое, что он сказал с тех пор, как губернатор удалился. – Я...

– Не надо, – прервала его Скарлетт. – От твоих извинений ей легче не станет.

– Я и не собирался извиняться, – ответил Хулиан и помолчал, словно взвешивая свои следующие слова. – Мои условия меняются. Я вас обеих увезу с острова бесплатно, если захотите. Корабль отчаливает завтра на рассвете. Если решитесь, разыщите меня в порту.

И, посмотрев сначала на старшую сестру, а потом на младшую, он зашагал по ступеням и через несколько секунд скрылся из виду.

– Нет! – прошептала Скарлетт, догадавшись, что хотела сказать Телла. – Если мы уедем, то, когда вернемся, все будет еще хуже.

– Лично я возвращаться не собираюсь!

В глазах Донателлы стояли слезы, но при этом в них горела ярость. Порывистый нрав младшей сестры нередко раздражал Скарлетт. Как бы то ни было, в одном сомневаться не приходилось: Телла никогда не отступится от того, на что твердо решилась. А бежать она надумала еще до того, как узнала о письме магистра Легендо. Потому и рискнула спуститься в погреб с Хулианом. Когда юноша уходил, она даже не посмотрела ему вслед. Значит, ей

просто-напросто нужен был моряк, который увез бы ее с острова.

– Скар, ты тоже должна поехать, – сказала Телла. – Знаю: ты думаешь, что, выйдя замуж, будешь в безопасности. Но вдруг твой граф окажется таким же, как отец, или еще хуже?

– Нет, – уверенно возразила Скарлетт. – Ты бы поняла, что он за человек, если бы почитала его письма. О, мой жених – настоящий джентльмен. Он обещал заботиться о нас обоих.

– Эх, сестренка! – невесело улыбнулась Телла. Такая улыбка часто появляется на лице человека, который вынужден сказать нечто такое, чего он предпочел бы не говорить. – Если граф и впрямь такой замечательный, то к чему вся эта таинственность? Почему тебе называют только его титул, но не открывают имя?

– Он сам тут ни при чем. Это отец специально все скрывает, чтобы легче было удерживать нас в своей власти. Вот, погляди сама.

И Скарлетт протянула сестре письмо.

*1-й день Поры Произрастания,
57-й год правления Элантинов*

Дражайшая Скарлетт!

Это мое последнее письмо к Вам. Скоро я взойду на корабль и отправлюсь на Покоренные острова. Ваш отец желал, чтобы дата нашего венчания стала для Вас сюрпризом, но я все же попросил его передать Вам эту записку. Ведь, хотя я и слышал о Вас так много, мы увидим друг друга впервые, и это уже само по себе будет сюрпризом (надеюсь, приятным для нас обоих).

Сейчас, когда я пишу эти строки, горничные уже готовят комнаты для Вашей младшей сестры. Полагаю, вы обе будете очень счастливы в Валенде...

Оставшаяся часть страницы была оторвана. Отец не только скрыл от дочери те слова, которыми ее жених завершил письмо, но и удалил восковую печать, чтобы девушка даже по ней не смогла догадаться, как зовут ее будущего супруга. Это была одна из тех странных, непостижимых для нормального человека игр, в которые столь любил играть губернатор Трисды.

Иногда Скарлетт казалось, будто весь остров накрыт огромным стеклянным колпаком, сквозь который ее отец смотрит на жителей, время от времени двигая или удаляя фигурки тех, кто очутился на неподходящем, на его взгляд, месте. Окружающий ее мир виделся девушке огромной шахматной доской, и предстоящая свадьба была для отца важным ходом, после которого он ожидал получить все, что желал.

Благодаря торговле ромом и спекуляциям на черном рынке, губернатор Дранья стал богаче большинства прочих островных правителей. Но поскольку Трисда относилась к Покоренным островам, ему недоставало власти, которую он так уважал и которой так жаждал. Как бы ни приумножалось принадлежащее ему состояние, высокородные губернаторы других земель государства не считали Дранью равным себе. Хотя Покоренные острова стали частью Меридианной империи более шестидесяти лет назад, ее жители по-прежнему слыли теми грубыми, невежественными крестьянами, каковыми они и являлись, когда имперское войско поработило их. Однако губернатор Дранья надеялся, что замужество Скарлетт все изменит. Лишь только его дочь войдет в аристократическое семейство, как на

него самого все станут смотреть с бОльшим почтением. И разумеется, он получит больше власти.

– Это еще ничего не доказывает, – заявила Телла, дочитав письмо.

– Это доказывает, что мой жених добр и заботлив...

– Легко казаться добрым и заботливым на бумаге. На самом же деле ни один приличный человек не согласится иметь дело с нашим отцом.

– Замолчи! – Скарлетт вырвала письмо из рук сестры.

Донателла, конечно же, ошибалась. О том, что граф истинный джентльмен, говорило все, даже мягкие аккуратные линии, выходявшие из-под его пера. Если бы не искренняя забота о невесте, разве стал бы он столь часто писать Скарлетт, пытаясь развеять ее страхи? Разве пообещал бы увезти обеих сестер в Валенду – столицу государства Элантинов, подальше от деспотичного отца?

В глубине души Скарлетт опасалась, что муж не даст ей всего, о чем она мечтала; с другой стороны, хуже, чем в родном доме, уж всяко не будет. К тому же в ушах у нее до сих пор отдавалось эхом злое предостережение: «Если свадьба не состоится, у твоей сестры будет кровоточить не только лицо». Нет, послушаться отца было никак нельзя. Как можно ставить под угрозу предстоящее замужество ради какой-то призрачной возможности – выиграть исполнение желания! И Скарлетт сказала:

– Если мы попытаемся самовольно уехать, отец выследит нас и отыщет хоть на краю света.

– Что ж, по крайней мере, мы хотя бы увидим этот край света, – ответила Телла. – Я уж лучше умру на чужбине, чем буду жить взаперти здесь или в доме твоего графа.

– Не говори таких вещей!

Слова «Я уж лучше умру!» слишком часто слетали с губ Донателлы, и Скарлетт боялась, что сестра действительно подумывает о самоубийстве. А еще Телла как будто забывала о том, насколько опасен большой мир. Бабушка рассказывала им обоим не только сказки о Каравале, но и ужасные истории про молодых женщин, которых некому было защитить: девушки, желавшие стать независимыми и честно трудиться, оказывались в борделях или в работных домах, где влачили жалкое существование.

– Ты слишком много боишься! – сказала Телла, с трудом поднимаясь с пола.

– Эй, ты куда?

– Мне надоело ждать служанку. Она будет целый час хлопотать вокруг моей раны, охать и ахать, а потом заставит меня до конца дня проваляться в постели. – Подняв упавшую шаль, Донателла обмотала ее вокруг головы, чтобы скрыть изуродованную половину лица. – А у меня много дел. Завтра я уплываю с Хулианом. Нужно известить его о том, что на рассвете я приду в порт.

– Постой, Телла! Подумай хорошенько!

Скарлетт бросилась вслед за сестрой, но не успела догнать ее: та взлетела по ступеням и выскочила наружу. За стенами дома воздух был густым, точно суп. Во дворе, как всегда после полудня, было влажно и пахло морской солью. Видимо, на кухне уже доставили дневной улов. Петляя в поисках сестры под облупившимися белыми сводами галерей, вымощенных глиняной плиткой, Скарлетт неизменно чувствовала тяжелый рыбный запах.

Губернатор, казалось, все никак не мог удовлетвориться размерами своих владений. Огромное имение на краю города беспрестанно расширялось. Постоянно строились новые дома и новые дворы, прокладывались очередные тайные ходы, по которым контрабандой

проносили спиртное и бог знает что еще. Дочерям хозяина разрешалось заглядывать далеко не во все двери родного дома. Если бы сейчас губернатор увидел, как они носятся по имению, он бы тотчас приказал хорошенько всыпать им по пяткам. Но израненные подошвы ног – ничто по сравнению с той карой, которая ждала бы обеих девушек, узнай отец о готовящемся побеге Донателлы.

Скарлетт несколько раз теряла сестру из виду, когда та ныряла в коридоры, где еще не рассеялся утренний туман. В какой-то момент она уже почти отчаялась найти Теллу, но вдруг увидела голубой лоскуток платья на лестнице, ведущей к самой высокой точке поместья – церковной башне из белого камня, блестевшего сейчас на солнце. Желая слыть набожным человеком, губернатор Дранья построил церковь так, чтобы она была видна из любой части города. Однако, не испытывая ни малейшей потребности исповедоваться в своих грехах, он захаживал сюда крайне редко. Именно поэтому храм стал излюбленным убежищем его дочерей и использовался ими для отправки и получения тайной корреспонденции. Ускорив шаг, Скарлетт нагнала сестру на последних ступеньках перед резной деревянной дверью церкви.

– Стой! Если ты напишешь тому моряку, я все расскажу отцу!

Девушка в голубом платье остановилась, а когда она повернула покрытую платком голову и луч солнца, прорезав туман, упал на ее лицо, застыла сама Скарлетт: это оказалась молодая послушница, со спины очень похожая на Донателлу. Чертовка, надо отдать ей должное, ловко умела скрываться от погони. Чувствуя, как по шее стекают капли пота, Скарлетт представила себе, что Телла сейчас, наверное, проникла на какую-нибудь из кухонь поместья, где ворует еду для предстоящего путешествия.

Нет, непременно нужно найти способ помешать этой безрассудной затее. Пусть Донателла потом даже возненавидит старшую сестру, та не позволит ей пожертвовать всем ради Каравая. Особенно теперь, накануне собственной свадьбы, которая могла спасти или (в случае если венчание не состоится) погубить их обоих.

Следуя за послушницей, Скарлетт вошла в церковь. В маленьком круглом помещении всегда стояла такая тишина, что слышно было, как потрескивали толстые свечи, горящие вдоль каменных стен. Роняя капли горячего воска, они освещали гобелены с изображениями святых, претерпевающих смертные муки. В воздухе, щекоча нос, витал затхлый запах пыли и сухих цветов. Скарлетт прошла мимо ряда деревянных скамей к алтарю, где лежали листочки бумаги, на которых следовало записывать собственные грехи.

До того как их мать исчезла (а это произошло семь лет тому назад), Скарлетт не посещала церковь и даже не знала, что, исповедуясь, люди записывают свои дурные поступки, а потом передают листки священникам для сожжения. Как и губернатор, Палома Дранья, его жена, не была религиозна, но, когда она исчезла с острова, дочери в отчаянии пришли сюда молиться о ее возвращении. Эти молитвы услышаны не были, однако выяснилось, что кое-какой толк от священников все-таки есть: оказалось, что они очень искусны в передаче посланий.

Вот и сейчас, взяв один из листков, Скарлетт написала:

*Мне нужно с тобою увидеться.
Жди меня на пляже Дель-Охос.
Приходи через час после полуночи.
Это важно. ♥*

Скарлетт указала адрес, но вместо имени отправительницы нарисовала сердечко, понадеявшись, что этого будет достаточно. Присовокупив к записке щедрое пожертвование, она передала ее священнику.

Когда Скарлетт было восемь лет, отцовские гвардейцы, чтобы малышка держалась подальше от моря, сказали ей, будто блестящий черный песок пляжа Дель-Охос и не песок вовсе, а сожженные кости пиратов. Девочка поверила в эту страшную сказку и как минимум год даже близко не подходила к берегу. Однажды Фелипе, старший сын одного из наименее жестокосердных гвардейцев, разоблачил эту ложь, сказав маленькой Скарлетт, что никаких пиратских костей на пляже никогда не было. Однако страх, как это нередко случается в детстве, уже прожег ее душу, и, сколько бы раз девочку потом ни пытались переубедить, она упорно продолжала считать пляж Дель-Охос кладбищем пиратов.

Сейчас, стоя среди зловеще темного песка в мигающем голубом свете щербатой луны, Скарлетт чувствовала, как давно забытый ужас просачивается вместе с песчинками в ее сандалии и струится между пальцами ног. Справа черную скалистую бухту ограничивал утес, слева – старый док. Он вдавался в море и казался Скарлетт огромным языком в обрамлении неровных зубов-камней. Стояла одна из тех ночей, когда девушка чувствовала, чем пахнет луна – смесью свечного воска с соленой водой разбухшего светящегося океана.

Глядя на мерцающую луну, Скарлетт вспомнила о таинственных переливчатых письменах, которые видела днем на билетах, лежавших теперь у нее в кармане. На мгновение ей захотелось поддаться уговорам сестры, вняв голосу той частички собственной души, что не утратила еще способности мечтать. Но двумя годами ранее она уже совершила подобную ошибку.

Фелипе тайком купил для дочерей губернатора места на шхуне. Правда, сестры лишь едва успели подняться на борт, но и за такое недолгое путешествие они дорого заплатили. Телла потеряла сознание, когда один из гвардейцев с особой грубостью потащил ее вниз по трапу. Скарлетт, на свою беду, не лишилась чувств. Ей пришлось стоять в промокших ботинках у самой кромки прилива и наблюдать за тем, как губернатор вершит расправу над Фелипе. Лучше бы она утонула в ту ночь в святящихся голубых волнах океана. Лучше бы это ее голову отец держал под водой, пока тело не перестало биться и не обмякло, точно водоросли, выброшенные на берег. На следующий день все поверили, что Фелипе погиб по неосторожности, и только Скарлетт знала правду. «Если снова вздумаешь бежать, с твоей сестрой будет то же самое», – предупредил ее отец.

Скарлетт тогда никому не сказала ни слова. С тех пор она стала оберегать Теллу, позволяя той думать, будто старшая сестра просто стала излишне заботливой, превратившись в этакую наседку. Ей одной было известно, что им никогда не уехать с острова живыми, если только обеих не заберет ее муж.

Волны, бившиеся о берег, заглушили шум шагов, но Скарлетт все равно их услышала.

– Ты не та сестра, которую я ждал, – сказал Хулиан, подойдя ближе.

В темноте он больше походил на пирата, чем на обыкновенного моряка. Да и отточенная легкость его движений подсказывала Скарлетт, что юноша этот не из тех, кому следует доверять. Ночь окрасила длиннополый сюртук Хулиана в чернильно-черный цвет, а тени

подчеркнули скулы, сделав их острыми, как ножи. Девушка уже начала сомневаться, разумно ли поступила, решившись ускользнуть из поместья, чтобы один на один встретиться с этим человеком на пустынном берегу в столь поздний час. Не проявила ли она сама то безрассудство, за которое ругала Теллу?

– Вижу, ты передумала? Решила принять мое предложение?

– Нет. Я сама хочу кое-что тебе предложить, – ответила Скарлетт, постаравшись, чтобы голос не выдал ее страха, и достала из кармана изящные билетки, полученные от магистра Легендо.

Пальцы не хотели их выпускать, но ради Теллы нужно было это сделать. Вечером, войдя в свою комнату, Скарлетт обнаружила, что все ее вещи перерыты. Не успев определить, чем именно обогатилась младшая сестра, она поняла одно: Донателла приходила, чтобы обеспечить себя всем необходимым для бегства.

Скарлетт сунула билеты Хулиану:

– Возьми все три. Используй их сам или продай, только уезжай отсюда – поскорее и, главное, без моей сестры.

– Ах, так это взятка!

Слово «взятка» покорило Скарлетт, поскольку прочно ассоциировалось у нее с отцом. Но когда речь шла о Телле, она была готова на все. Даже на то, чтобы расстаться с единственной мечтой, которая до сих пор ее манила.

– Донателла слишком безрассудна. Она хочет уехать с тобой, но даже не представляет себе, насколько это опасно. Если отец поймает беглянку, он обойдется с ней куда хуже, чем сегодня.

– А если твоя сестра останется здесь, она будет цела и невредима? – спросил Хулиан тихо и чуть насмешливо.

– Скоро я выйду замуж и увезу ее с собой.

– А ты уверена, что она сама этого хочет?

– В один прекрасный день она меня за это поблагодарит.

Хулиан по-волчьи улыбнулся, сверкнув в лунном свете белыми зубами:

– Ты не поверишь, но твоя сестра недавно сказала мне про тебя то же самое, слово в слово.

Скарлетт почувствовала опасность слишком поздно. Заслышав еще чьи-то шаги, она обернулась: позади стояла Донателла; ее маленькая хрупкая фигурка, закутанная в темный плащ, словно слилась с ночью.

– Мне жаль, что приходится так поступать, Скар, но ты ведь сама внушила мне: забота о сестре превыше всего.

В этот момент Хулиан набросил на голову Скарлетт мешок. Отчаянно пытаясь высвободиться, девушка стала поднимать ногами клубы черного песка. Однако мешковина явно была чем-то окурена, и дурман подействовал быстро. Все вокруг завертелось, и Скарлетт уже не могла понять, открыты ее глаза или закрыты. Она лишь падала, проваливаясь куда-то.

Все глубже,
и глубже,
и глубже...

Прежде чем Скарлетт совершенно лишилась чувств, ласковая рука погладила ее по щеке.
– Так будет лучше, сестрица. Мы живем не только затем, чтобы оставаться целыми...

Слыша эти слова, Скарлетт вошла в хрупкий мир, существовавший лишь в ее лучезарных снах. Перед ней возникла комната с множеством окон, раздался голос бабушки. Щербатая луна, мигая за стеклом, пролила голубой зернистый свет на фигурки двух девочек – самой Скарлетт и Теллы. Они, совсем еще крошки, лежат, свернувшись калачиком, в одной постели, а бабушка заботливо подтыкает им одеяло. Пожилая дама стала уделять внукам больше времени с тех пор, как исчезла их мать, и все же Скарлетт не могла припомнить другого случая, когда бы *nana*^[3] сама укладывала их спать. Как правило, это вменялось в обязанность служанкам.

– Расскажите нам про Караваль, – просит старшая из девочек.

Младшая тут же подхватывает ее просьбу:

– Да-да! Про магистра Легендо! Про то, как он получил свое имя!

Бабушка восседает в мягком кресле, как на троне. Нити, унизанные жемчугом, обвивают ее тонкую шею и, словно роскошные перчатки, покрывают ей руки от запястья до локтя. На туго накрахмаленном платье цвета лаванды нет ни единой складки, отчего морщины, избородившие некогда прекрасное лицо, еще сильнее бросаются в глаза.

– Легендо родился в семье артистов по фамилии Сантос, – начала бабушка свой рассказ. – Они сами сочиняли пьесы и играли в них, причем делали это совершенно бездарно. Публика любила их по одной-единственной причине: все они были красивы, словно ангелы. Особенно один из сыновей – тот, который ныне известен как Легендо.

– А как его звали на самом деле? – заинтересовалась Скарлетт.

– Его настоящего имени я тебе назвать не могу, – ответила бабушка. – Могу только сказать, что, как все великие и ужасные истории, эта история началась с любви. Легендо полюбил девушку по имени Аннелиз, чьи волосы были словно бы из золота, а слова – из сахара. Она околдовала его похвалами, поцелуями и обещаниями. Удивительно, что молодой человек, сам точно таким же образом обманувший множество девушек, поверил ей. В ту пору Легендо не имел состояния. Все его богатство заключалось в умении разбивать сердца. Аннелиз уверяла, будто деньги нисколько ее не волнуют, но вот ее отец, богатый торговец, никогда не позволит дочери выйти замуж за нищего.

– Значит, они не поженились? – спросила Телла.

– Будешь слушать – узнаешь. – Облако, проплывавшее в окне, закрыло луну, оставив лишь две точки, которые светились над бабушкиной посеребренной головой, напоминая рожки. – У Легендо родился замысел, – продолжила бабушка. – В то время Элантина готовилась надеть корону Меридианной империи. Выступив на торжестве, молодой артист мог бы заработать славу и деньги, необходимые для женитьбы на Аннелиз. Но устроители праздника отказали юноше, сочтя его бесталанным.

– А я бы пустила Легендо во дворец! – воскликнула Телла.

– И я тоже, – согласилась Скарлетт.

– Если не прекратите меня перебивать, не стану дальше рассказывать! – пригрозила бабушка, и сестры тут же поджали губки, превратив их в два розовых сердечка.

Бабушка продолжила:

– Тогда Легендо еще не был чародеем. Но он верил своему отцу, который утверждал, что каждому человеку якобы может быть даровано исполнение одного-единственного неосуществимого желания. Если есть нечто такое, чего ты хочешь больше всех благ в мире, магия поможет тебе это получить. Ну так вот, Легендо отыскал женщину, которая умела колдовать.

– Это была ведьма, да? – прошептала Скарлетт.

Бабушка замолчала и нахмурилась, а глаза девочек стали огромными, точно блюдца: бабушкин рассказ ожил перед ними, как в театре. Их комната превратилась в треугольную клетушку с деревянными стенами. Свечи в люстре, свисавшей с потолка, были перевернуты. От их пламени сверху вниз шел густой беловатый дым. Перед женщиной с огненно-рыжими волосами сидел худощавый юноша, чье лицо затеняли поля черного цилиндра. По этой шляпе Скарлетт тотчас узнала магистра Легендо, хотя черты его лица девочка рассмотреть не смогла.

– Колдунья спросила, чего он хочет больше всего на свете, – снова заговорила бабушка. – Легендо ответил, что желает возглавить величайшую из всех театральных трупп, какие только видел мир, чтобы завоевать свою любовь – Аннелиз. Но женщина возразила: «Это уже не одно желание, а целых два. Ты должен выбрать». Легендо был не только красив, но и горд. Молодой человек рассудил, что, если к нему придет слава, он и без всякого волшебства женится на своей возлюбленной. «Хочу, – сказал он, – чтобы о моих магических представлениях повсюду слагали легенды».

Тут ветер, внезапно ворвавшийся в комнату, задул все свечи, кроме той, что освещала юношу. Его лица Скарлетт по-прежнему не видела, но готова была поклясться: оно изменилось. Тени, лежавшие на нем, как будто стали резче.

– Превращение началось сразу же, – объяснила бабушка. – Истинные желания Легендо, которые были очень сильны, разожгли магический огонь. Колдунья пообещала юноше, что его представления станут настоящим волшебством, какого свет еще не видывал: правда переплетется в них с причудливым вымыслом. «Но всякое желание имеет свою цену, – предупредила она. – Чем дальше, тем больше ты будешь вживаться в роли, которые играешь. Однажды, представляя негодяя, ты действительно им станешь».

– Легендо и впрямь стал негодяем? – спросила Телла.

– А как же Аннелиз? – Скарлетт зевнула.

– Колдунья не солгала, – вздохнула бабушка. – Ему не суждено было получить и славу, и любовь одновременно. Назвавшись Легендо, он перестал быть тем юношей, которого полюбила Аннелиз. Девушка разбила ему сердце, выйдя замуж за другого. Приобретая известность, о которой мечтал, Легендо счел себя жертвой предательства и поклялся впредь никогда больше никого не любить. Одни называют его за это негодяем, а другие говорят, что благодаря своей магической силе магистр Легендо стал подобен Богу.

Девочки уже задремали. Их веки почти сомкнулись, но на губах все еще не погасли полумесяцы улыбок. Телла поежилась, сквозь сон различив слово «негодяй», а личико Скарлетт просияло, когда ее слух уловил слова «магическая сила».

Обыкновенно она не спеша потягивалась, прежде чем выбраться из постели и осторожно оглядеться по сторонам. Однако сегодня девушка резко распахнула глаза и сразу же села, а когда попыталась встать, ее качнуло.

– Осторожней, – сказал Хулиан, поддерживая Скарлетт, чтобы она не выпала из лодки – если то, на чем они плыли, уместно назвать лодкой (скорее, это был плот – такой маленький, что они вдвоем едва там умещались).

– Как долго я спала? – спросила Скарлетт и схватилась за бортик.

Мир вокруг нее только теперь приобрел четкие очертания. Хулиан осторожно, чтобы не забрызгать спутницу, опустил в воду два весла. На розовой поверхности моря, которое показалось девушке незнакомым, кое-где кудрявились бирюзовые барашки. Солнце цвета меди ползло вверх. Было утро – очевидно, не первое с того мгновения, когда она, Скарлетт, забылась сном: прежде гладкий подбородок Хулиана успел зарости темной щетиной, – похоже, моряк не брился по меньшей мере дня два. Скарлетт не забыла, как он по-волчьи ухмыльнулся ей на пустынном ночном берегу. Теперь он походил на разбойника еще больше, чем тогда.

– Мерзавец! – выпалила она, ударив его по щеке, которая тотчас загорелась рубиновым цветом ярости и кары.

– Ай! – вскрикнул Хулиан. – Чем же я такое заслужил?!

Поняв, что натворила, Скарлетт пришла в ужас. Временами ей нелегко бывало обуздать собственный язык, но руки до сих пор она никогда еще не распускала.

– Прости! Я не хотела!

Сказав это, Скарлетт схватилась за борта и стала ждать ответного удара, однако его не последовало. Полосы на щеке Хулиана злобно краснели, но он и пальцем не тронул свою обидчицу.

– Не бойся, я женщин не бью.

Перестав грести, он поглядел Скарлетт в глаза. Если в винном погребе юноша смотрел на нее зазывно, а ночью на берегу – словно дикий зверь, то сейчас она не видела в его взгляде желания обольстить или напугать. Скорее уж, Хулиан был удивлен.

Пятно на его щеке постепенно бледнело, и вместе с ним стал испаряться и ее страх: оказывается, не все ведут себя так же, как губернатор Дранья.

– Прости, что ударила тебя, – проговорила Скарлетт с усилием. – Но вы с Теллой должны были... Постой! – Она осеклась. На нее вновь нахлынуло ужасное чувство, будто она лишилась чего-то, необходимого ей как воздух. У этой «пропажи» были медовые волосы, личико херувима и улыбка дьявола. – Где Донателла?

Хулиан снова взмахнул веслами – на этот раз менее осторожно. Капли ледяной воды обрызгали колени Скарлетт.

– Клянусь: если ты что-то сделал с Теллой...

– Успокойся, Малиновая...

– Меня зовут Скарлетт!

– Малиновый цвет или багровый^[4] – разница невелика. С твоей сестрой все в порядке. Она ждет тебя на острове.

Скарлетт хотела что-то ответить, но, взглянув туда, куда Хулиан указал веслом, почувствовала, как слова растаяли у нее на языке, точно мягкое масло. Остров, видневшийся на горизонте, был совсем не похож на ее родную Трисду – нагромождение скал, присыпанных черным песком. Если там лишь кое-где зеленели чахлые кусты, то здесь все

утопало в зелени. Изумрудные горы, сплошь поросшие лесом, стремились ввысь, колеблясь под завесой мерцающего тумана. С вершины самой большой горы, переливаясь, словно перья павлина, струилась вода. Поток ее нырял в кольцо танцующих низких облаков, окрашенных лучами восходящего солнца. Так вот он каков, Исла-де-лос-Суэньос – остров Грез! До того как прочесть это название на пригласительных билетах, Скарлетт никогда даже не слышала о нем, однако не сомневалась: это находится именно здесь и лодка приближается к частным владениям магистра Легендо.

– Повезло тебе, что ты так долго проспала. До сих пор места, мимо которых мы проплывали, выглядели не столь живописно, – произнес Хулиан. Вид у моряка при этом был такой, словно он оказал Скарлетт неоценимую услугу.

Как ни заманчиво выглядело место, куда он ее вез, девушка никак не могла избавиться от тяжелых мыслей о другом острове.

– А Трисда далеко отсюда?

– Сейчас мы находимся между Покоренными островами и Южной империей, – ответил Хулиан так спокойно, будто они просто прогуливались по берегу возле имения губернатора.

На самом же деле Скарлетт никогда еще не удалялась от дома на такое расстояние.

– Сколько дней мы плывем? – спросила она и зажмурилась: глаза защищало от соленой воды.

– Сегодня тринадцатое число. Прежде чем ты опять меня ударишь, позволь сказать, что твоя сестра обставила все так, будто вас похитили. Это помогло вам выиграть время.

Скарлетт вспомнила, какой разгром учинила Телла в ее комнате.

– Значит, вот зачем она перерыла мои вещи?

– Еще она оставила письмо с требованием выкупа. Когда вернешься, сможешь выйти замуж за своего графа. Будете жить с ним долго и счастливо и умрете в один день.

Скарлетт вынуждена была признать: Донателла придумала все довольно хитро. Но если отец тем не менее поймет, что на самом деле они сбежали, да еще и за неделю до свадьбы, то обезумеет от ярости. Скарлетт представился лиловый огнедышащий дракон, и пепельно-серая тень тревоги затуманила ей взор.

«А может, ради того, чтобы побывать на этом сказочном острове, стоит подвергнуться опасности?» – сам ветер словно бы прошептал Скарлетт эти слова, напомнив ей о том, что именно на тринадцатый день Поры Произрастания назначен спектакль. «Прибывшие позже не смогут участвовать в игре, победитель которой получит приз – исполнение одного желания» – так говорилось в приглашении.

Скарлетт попыталась не поддастся соблазну, но девочка, жившая внутри ее, уже радовалась великолепию таинственного нового мира, где все было ярче, гуще и острее, нежели та худосочная бледность, которую она привыкла видеть дома.

Чем ближе лодчонка подплывала к острову, тем краснее становились бронзовые облака: казалось, они вот-вот прольют огонь вместо дождя. Скарлетт вспомнила письмо магистра Легендо: золоченые края листка тоже горели, когда на них падал свет. Конечно, ей надлежало немедленно вернуться домой, но то, что она могла найти в этом удивительном месте, неудержимо манило ее. Подобное чувство порой охватывало Скарлетт ранним утром: она нежилась в постели, не желая открывать глаза, чтобы суровая явь как можно дольше не приходила на смену прекрасному сну.

Но красота обманчива – в этом Скарлетт убеждалась, глядя на сидевшего перед нею молодого моряка. Работая веслами, он двигался так спокойно и плавно, словно похищение

девушек было для него делом привычным.

– А почему Телла уже на острове? – спросила Скарлетт.

– Потому что лодка выдерживает только двоих, – ответил Хулиан и снова махнул веслом, окатив свою пассажирку брызгами. – Скажи спасибо, что я вернулся за тобой.

– Я, между прочим, вообще не просила, чтобы меня куда-то везли. Вы с Теллой все решили за меня.

– А разве не ты семь лет подряд писала магистру?

Щеки Скарлетт вспыхнули. Письма к Легендо были ее тайной, которую она поверила только сестре, а Хулиан, кроме всего прочего, упомянул о них с насмешкой, отчего ей стало казаться, будто все эти годы она и вправду вела себя глупо. Как ребенок, который еще не понял, что далеко не все сказки имеют счастливый конец.

– Тебе нечего стыдиться, – сказал Хулиан. – Думаю, многие молодые дамы пишут ему письма. Легендо ведь не стареет – ты, наверное, слыхала об этом. А еще болтают, будто он умеет вызывать к себе любовь.

– Я вовсе не о любви ему писала! – воскликнула Скарлетт негодуя. – Мои письма были совсем не такие. Я просто хотела увидеть его чудесное представление.

Хулиан недоверчиво прищурился:

– Если так, то почему ты теперь этого не хочешь?

– Уж не знаю, что наговорила тебе сестра, но, кажется, тогда, у нас в погребке, ты мог бы догадаться, чем грозит нам побег из дома. Когда я была помладше, то и впрямь мечтала увидеть Караваль. Теперь же мне хочется, чтобы мы с Теллой остались целы.

– А ей, ты думаешь, этого не хочется? – спросил Хулиан, перестав грести, отчего лодчонка мягко закачалась на волнах. – Я, конечно, мало знаю твою сестру, но, по-моему, на самоубийцу она не похожа.

Вместо ответа Скарлетт лишь покачала головой.

– Мне кажется, – продолжил Хулиан, – ты забыла, что такое жизнь, и Донателла пытается тебе об этом напомнить. Но если, кроме безопасности, тебе ничего не нужно, я отвезу тебя обратно.

Он кивком указал на темное пятнышко, издалека показавшееся Скарлетт крошечной рыбацкой лодкой. Однако на самом деле это, очевидно, был тот корабль, на котором они проделали бóльшую часть пути. Их теперешний плот явно не справился бы с такой задачей.

– Не страшно, что ты ровным счетом ничего не смыслишь в мореплавании, поскольку без труда доберешься до своей драгоценной Трисды на любом попутном судне. Ну а если ты действительно такая храбрая, как утверждает твоя сестра, – Хулиан кивнул на белый остров, окутанный туманом, – ты можешь провести эту неделю с ней. Вдруг она права и жить в самом деле стоит не только затем, чтобы оставаться целыми? Вдруг есть вещи, которые стоят значительно дороже?

Волна качнула лодку, плеснув в нее бирюзовой воды. От острова, окутанного облаками, дохнуло прохладой. Волосы Скарлетт ветром прибило к шее, а темная шевелюра Хулиана слегка закудрявилась.

– Ты не понимаешь. Если я немедленно не вернусь на Трисду, отец меня уничтожит. Через неделю я должна выйти замуж за графа. После этого мы с Донателлой сможем зажить по-другому. Я бы очень хотела увидеть Караваль, но не согласна пожертвовать ради него единственной надеждой на счастье.

Хулиан скривил рот, подавляя усмешку:

– Ты смотришь на вещи так, будто жизнь – роман. Может, я, конечно, и ошибаюсь, но, по-моему, супружество – это чаще всего не такое уж большое счастье.

– Я совсем не то сказала! – воскликнула Скарлетт, обиженная тем, как были истолкованы ее слова. – Прекрати! – крикнула она, когда Хулиан снова шлепнул веслом по воде и окатил ее брызгами.

– Перестану, как только ты скажешь мне, куда тебя везти, – ответил он, плеснув еще раз.

Между тем лодка приближалась к берегу. Медные облака, уже слегка поблекшие, отбрасывали холодные голубые и зеленые тени. В воздухе витал непривычный аромат. Если на Трисде вечно воняло рыбой, то здесь пахло чем-то свежим, сладковатым, вроде апельсинов. Скарлетт подумала, уж не действует ли на нее до сих пор дурманное зелье: прекрасно зная, что нужно сойти на остров, отыскать Теллу и как можно скорее вернуться вместе с сестрой домой, она почему-то не находила в себе сил, чтобы прямо сказать об этом Хулиану. Без пяти минут замужняя дама, она вдруг словно бы опять превратилась в маленькую девочку, которая посылала письма чародею, наивно надеясь осуществить свое заветное желание.

Впервые Скарлетт написала Легендо после исчезновения матери: захотела устроить Телле веселый день рождения. Та очень тяжело переживала разлуку, и старшая сестра пыталась заменить ей маму, однако сама была еще ребенком и тосковала ничуть не меньше. Девочкам пришлось бы не так тяжело, если бы Палома хотя бы попрощалась с ними, оставила записку или как-то иначе дала понять, куда и зачем уезжает. Но мама просто испарилась, даже не взяв с собой вещей. Исчезла, как звезда, которая упала, оставив мир неизменным – в нем разве что стало чуть меньше света.

Вероятно, губернатор Дранья чем-то очень сильно обидел жену. Так или иначе, когда она исчезла, он пришел в неистовство. Пытаясь отыскать беглянку, перевернул вверх дном все имение. Не желая разглашать того, что от него ушла жена, заставил своих гвардейцев прочесать остров под предлогом розыска преступника. Может быть, Палому похитили? Но тогда почему в комнате не осталось никаких следов борьбы? И почему похитители не прислали записку с требованием выкупа? Нет, жена губернатора, очевидно, покинула дом по собственной воле, и это лишь усугубляло положение.

А Скарлетт, несмотря ни на что, всегда считала мать сказочной женщиной – вечным источником сияющих улыбок, мелодичного смеха и сладких слов. Когда она жила дома, в мире Скарлетт была радость. Даже отец вел себя иначе: до исчезновения жены он никогда не прибегал к насилию в собственной семье.

После исчезновения матери девочки стали получать больше внимания от бабушки. Та не была с ними особенно нежной (Скарлетт всегда подозревала, что бабушка не слишком-то любит внучек), но умела увлекательно рассказывать. Ее истории о Каравале буквально завораживали. Влюбившись в это удивительное место, где, по бабушкиным словам, творилось волшебство, Скарлетт поверила, что, если Легендо со своими артистами приедет на их родной остров, в ее жизнь хотя бы на несколько дней вернется радость.

На мгновение в сознании Скарлетт мелькнула мысль о том, как чудесно было бы не просто немного повеселиться, но и соприкоснуться с волшебством. Прежде чем навечно запереть свои фантазии под замок, ей захотелось провести один-единственный день в частных владениях загадочного магистра: исследовать остров, посмотреть представление...

Но до свадьбы оставалась всего неделя. Времени на авантюры не было. Хоть Телла и устроила разгром в комнате Скарлетт, а Хулиан подбросил записку с требованием выкупа,

отец рано или поздно должен был понять, что все это только прикрытие. Нет, о том, чтобы остаться здесь, не стоило даже и думать.

Правда, если провести на острове всего один день, первый день Каравалья, Скарлетт и Телла еще успеют вернуться домой до свадьбы. За такой короткий срок губернатор Дранья вряд ли сумеет выяснить, куда исчезали его дочери. Пробыв на острове не более суток, они, пожалуй, смогли бы возвратиться вполне благополучно.

– Малиновая, решай скорее, времени осталось мало!

Туман, который окутывал их, рассеялся, открыв прибрежную полосу. Песок был таким белым и мягким, что издали напомнил Скарлетт глазурь на торте. Девушка отчетливо представила себе Донателлу: та водила рукой по рассыпчатым волнам, призывая старшую сестру и словно бы предлагая ей попробовать, действительно ли песчинки сладкие, или они только с виду так похожи на сахар.

– Если я сейчас соглашусь пойти с тобой, а завтра решу вместе с Теллой вернуться на Трисду, ты обещаешь, что не станешь удерживать меня силой?

Хулиан приложил руку к сердцу:

– Даю слово чести.

Скарлетт не была уверена в том, что на честь Хулиана стоит полагаться, однако в любом случае, попав на Караваль, он, скорее всего, и сам собирался оставить девушек в покое.

– Хорошо. Продолжай грести, только постарайся больше не брызгать на меня.

Хулиан, изогнув губы в усмешке, окунул весла в воду, и Скарлетт тотчас почувствовала, как туфли наполнились холодной водой.

– Я же попросила не брызгать!

– Я тут ни при чем.

Теперь Хулиан греб осторожно, но вода только прибывала. Море здесь оказалось еще холоднее, чем возле Трисды.

– Наверное, в днище пробоина!

Воды в лодке уже набралось по лодыжку.

– Плавать умеешь? – спросил моряк, выругавшись.

– Само собой, умею! Я же родилась на острове.

Хулиан скинул сюртук и бросил его на борт.

– Тебе будет легче, если снимешь одежду. Ведь там, под платьем, у тебя есть что-то еще?

– А может быть, ты просто продолжишь грести к берегу?

Хотя ноги у Скарлетт сводило от холода, однако ладони вспотели: до суши оставалось около ста ярдов – так далеко ей никогда в жизни плавать еще не приходилось.

– Попробовать можно, но лодка вряд ли дотянет, – ответил Хулиан, снимая ботинки. – Лучше раздеться, пока есть время. Вода холодная: плыть в одежде будет трудно.

Скарлетт оглядела поверхность моря, укрытую пеленой тумана, тщательно надеясь увидеть другую лодку или хотя бы плот.

– В чем же мы будем ходить, когда выберемся на сушу?

– Для начала нам нужно выбраться. Особенно тебе, – ответил Хулиан, расстегивая рубашку.

Судя по мускулам, которые угадывались под загорелой кожей, ему-то было совсем не трудно доплыть до берега. Не сказав больше ни слова, моряк нырнул в воду и, не оборачиваясь, поплыл. Его сильные руки легко разрезали холодную толщу, а Скарлетт все еще сидела в лодке, хотя волны уже подхватили нижнюю часть ее подола. Попытавшись

грести, она только глубже ушла под воду. Выбора не было – пришлось прыгнуть за борт.

Вместо воздуха, который с шумом вырвался из груди, легкие наполнились чем-то тяжелым, ледяным. Скарлетт ничего не видела, кроме белого цвета. Побелело все, даже розовые и бирюзовые волны вдруг превратились в пугающий лед. Запрокинув голову, девушка жадно глотала обжигающий кислород.

Она попыталась догнать Хулиана, но тот оказался прав: в одежде бороться с течением было невозможно. Корсет сдавливал грудь, ноги путались в отяжелевших юбках. Чем отчаяннее Скарлетт барахталась, тем более суровый отпор давал ей противник – океан. Она едва держалась на поверхности. Когда ледяная волна накрыла ее с головой, придавила и потянула, легкие словно обожгло. Пытаясь вырваться из водной толщи, Скарлетт подумала, что именно так, наверное, чувствовал себя Фелипе, которого утопил ее отец. «Ты это заслужила», – сказал ей какой-то внутренний голос. Будто чужие сильные руки, вода тащила ее вниз,

вниз,

вниз...

* * *

– А говорила, что умеешь плавать! – сказал Хулиан, несколькими рывками вытолкнув Скарлетт на поверхность. – Ну, давай, дыши. Только медленно: не глотай сразу слишком много воздуха.

Легкие по-прежнему горели, но Скарлетт все же выговорила:

– Ты меня бросил!

– Я думал, ты справишься сама.

– Это из-за платья... – пробормотала Скарлетт, и намокшая ткань тут же снова потянула ее на дно.

Хулиан, резко вдохнув, спросил:

– Сможешь продержаться на воде одну минутку?

Прежде чем Скарлетт успела ответить, он выхватил из-за пояса нож и нырнул. Через мгновение, которое показалось ей бесконечным, она почувствовала, как его рука обхватила ее за пояс. Потом кончик ножа коснулся груди. Скарлетт не дышала, когда Хулиан освободил ее от корсета, решительно проведя по животу прямую линию. Его рука крепче сжала ей талию. Сжалась и сама Скарлетт. До сих пор еще ни один мужчина не прикасался к ней вот так. Она старалась не думать о том, что видит или ощущает этот красавчик, отрезая ее юбки.

Оставив свою спутницу в одной рубашке, прилипшей к телу, Хулиан вынырнул. Капли брызг упали девушке на лицо.

– Ну что? Теперь ты сможешь плыть? – спросил он, тяжело дыша.

– А ты? – хрипло произнесла Скарлетт.

Ей тоже стало очень трудно говорить. Она чувствовала себя так, будто между нею и моряком произошло что-то непристойное и вместе с тем очень волнующее. Хотя, вероятно, таковы были лишь ее собственные ощущения: уж он-то наверняка видел десятки полураздетых и даже полностью обнаженных женщин.

– Не стоит тратить силы на болтовню, – ответил Хулиан и поплыл вперед.

Теперь он держался рядом со Скарлетт – то ли беспокоился о ней, то ли попросту ослаб.

Океан продолжал тянуть девушку вниз, но теперь она уже могла сопротивляться. На сверкающий белый берег они с Хулианом вышли одновременно. Вблизи песок казался еще более мягким, чем издали. Он, скорее, даже походил на снег – такой белый, какого на Трисде сроду не бывало. По всей прибрежной полосе тянулся холодный пушистый ковер, точно сотканный из волшебного облака. В его нетронутой чистоте Скарлетт мерещилось что-то странное и немного зловещее.

– Идем, нам надо поторапливаться, – сказал Хулиан, схватив ее за руку.

– Подожди... – Скарлетт еще раз оглядела безупречно-белые снежные волны. Берег опять показался ей покрытым глазурью – как на торте в витрине кондитерского магазина. На нем не было ни пятнышка. Ни единого маленького следа, который мог бы принадлежать Донателле. – Где моя сестра?

7

Прозрачные плавучие облака, заслонив солнце, отбросили на остров мглистую голубовато-серую тень. Снег под ногами перестал быть белым и теперь, словно посмеиваясь, мигал сиреневыми искрами.

– Где Телла? – повторила Скарлетт.

– Наверное, я высадил ее где-то в стороне. – Хулиан хотел опять взять Скарлетт за руку, но она отстранилась. – Нужно идти, пока мы здесь не окоченели. Отыщем твою сестру, как только согреемся.

– А вдруг она тоже замерзает? – ответила Скарлетт и, стуча зубами, крикнула: – Донателла!

Ступая по снегу в одной мокрой сорочке, она мерзла так, как не мерзла даже в ту ночь, когда отец заставил ее спать во дворе, узнав, что Телла впервые в жизни позволила юноше себя поцеловать. Несмотря на холод, Скарлетт не собиралась покидать остров, пока не разыщет сестру.

– Донателла! – опять прокричала она.

– Побереги силы и время, – сказал Хулиан, в упор посмотрев на нее. Без рубашки, насквозь промокший, он внушал ей еще большие опасения, чем раньше. – Когда твоя сестра сошла на берег, на ней были пальто и перчатки. Не знаю, где сейчас Донателла, но смерть от холода ей точно не угрожает. А вот мы замерзнем, если останемся здесь. Пойдем к тем деревьям.

Там, где снежная мантия соприкасалась с густой зеленью, в небо поднималась оранжевая, как заходящее солнце, струя дыма. Скарлетт могла поклясться, что еще минуту назад его не было видно. Даже деревья, настолько не похожие на чахлую растительность Трисды, она как будто заметила только сейчас. Их мощные стволы, покрытые голубовато-зеленым мхом, напоминали толстые косы.

– Нет, – сказала Скарлетт, дрожа. – Мы...

Хулиан не дал ей договорить:

– Нам нельзя больше здесь слоняться. Вон у тебя уже губы синеют. Нужно отыскать, откуда идет дым.

– Мне все равно. Если моя сестра до сих пор там...

– Твоя сестра, должно быть, уже ищет вход на Караваль. Пора последовать ее примеру:

в нашем распоряжении только сегодняшней день. Двигаться нужно туда, откуда идет дым.

Снег захрустел под босыми ногами Хулиана. Скарлетт еще раз окинула взглядом пустынный берег. Телла не умела терпеливо ждать, – впрочем, ждать нетерпеливо она не умела тоже. Но если сестренка поспешила на Караваль, то где же ее следы?

Скарлетт неохотно вошла вслед за Хулианом в лес, не заметив, как снег под ногами сменился землей цвета каштана, и не чувствуя, как сосновые иглы вонзаются в замерзшие подошвы. Ее босые ступни оставляли на тропинке влажные следы, однако следов Теллы нигде видно не было, хотя та и носила обувь на каблуках.

– Наверное, она пошла другой дорогой, – предположил Хулиан.

Зубами он не стучал, но его смуглая кожа приобрела оттенок индиго, перекликающийся с синевой тех причудливых теней, что отбрасывали деревья. Скарлетт не нашла в себе сил для продолжения спора: промокшая ткань обледенела, а в лесу оказалось еще холоднее, чем на побережье. Обхватив себя руками, Скарлетт только сильнее замерзла. На лице Хулиана мелькнула тревога.

– Тебя надо отвести в какое-нибудь теплое место.

– Но моя сестра...

– Твоя сестра неглупа. Наверняка она уже вступает в игру. Если мы замерзнем здесь, то точно никого не найдем, – сказал Хулиан, обняв Скарлетт за плечи.

Она застыла. Он обиженно сдвинул темные брови:

– Я просто пытаюсь тебя согреть.

– Но тебе и самому холодно, – ответила Скарлетт, высвободившись, и мысленно прибавила: «К тому же ты почти раздет».

Между тем лес кончился, и она, едва не оступившись, шагнула с мягкой почвы на мостовую из переливчатых камней, гладких, как отполированное морем стекло. Дорога уходила вдаль. От нее ответвлялись многочисленные кривые улочки, застроенные разномастными закругленными домами, которые громоздились друг на друге, словно шляпные коробки, составленные кое-как.

Городок был неестественно тих, хотя и очарователен. Снег на крышах запертых магазинов лежал, точно пыль на забытых книгах. Скарлетт не знала, как описать это место. В любом случае она совершенно иначе представляла себе Караваль. Дым цвета заходящего солнца по-прежнему струился, но казалось, будто, покинув прибрежную полосу, путники нисколько не приблизились к его источнику.

– Давай-ка, Малиновая, поторопись, – сказал Хулиан и за руку потянул Скарлетт в одну из улочек.

Девушка не знала, могут ли от холода возникать галлюцинации, но что-то явно было не так. Помимо странной тишины, ее удивляли вывески на дверях лавок, сделанные на разных языках и притом совершенно нелепые. К примеру, на одном из домов, похожих на шляпные коробки, было написано: «Открываемся около полуночи», а на другом – «Приходите вчера».

– Почему все закрыто? – спросила Скарлетт, выдохнув несколько хрупких колечек пара. – И где люди?

– Не останавливайся. Нам нужно больше двигаться и поскорее прийти в какое-нибудь теплое место, – ответил Хулиан, энергично шагая мимо самых занятых магазинов, какие Скарлетт когда-либо видела.

В витринах красовались шляпы-котелки, украшенные чучелами ворон, чехлы для солнечных зонтиков, женские головные повязки, расшитые человеческими зубами, зеркала,

способные отражать темноту человеческой души... Нет, конечно же, это холод так влиял на зрение и искажал изображения. Оставалось надеяться на то, что Хулиан сказал правду: Телла сейчас где-то в тепле. Продолжая идти, Скарлетт напряженно ждала, не мелькнут ли вдалеке медовые локоны младшей сестры, не подхватит ли эхо ее веселый смех. Но повсюду было пусто и безмолвно. Ни одна из дверных ручек, за которые Хулиан дергал, не поддавалась.

В следующем ряду лавчонок торговали совсем уж невообразимыми вещами: упавшими звездами, семенами, из которых якобы выростали желания. Магазин «Окуляр Одетты» предлагал очки четырех цветов «для прозрения в грядущее».

– Мне бы такие не помешали, – пробормотала Скарлетт.

В соседней лавке чинили сломанное воображение. Под вывеской, в витрине, стояли бутылки с мечтами, ночными и дневными кошмарами. Чувствуя, как ее темные волосы покрываются инеем, Скарлетт подумала, что именно дневной кошмар она сейчас и видит.

Хулиан выругался. Судя по всему, им оставалось пройти каких-нибудь несколько кварталов до места, откуда шел дым, который теперь вился, образуя солнце со звездой и слезой внутри – символ Каравая. Но было так холодно, что у Скарлетт словно обледенели и кости, и зубы, и даже веки.

– Подожди... Может... зайдём сюда? – предложила она, трясущейся рукой указав на часовую лавку Касабиана.

Сначала ей показалось, что это блестит медь в переплете окна, но за дебрями маятников, грузов и сияющих деревянных ящичков действительно горел огонь, а на двери было написано: «Всегда открыто».

Замерзшие путники вошли в магазинчик под дружное тиканье всевозможных часов, с кукушками и без. Внезапно оказавшись в тепле, Скарлетт ощутила покалывание в руках и ногах, которые уже почти перестала чувствовать. Разогретый воздух опалил легкие.

– Есть здесь кто-нибудь? – спросила она, с трудом заставив работать заиндевевшие голосовые связки.

«Тик-так, тик-так», – ответили ей шестеренки.

Комната была круглой, как циферблат. Мозаика на полу пестрела цифрами в разнообразных начертаниях, а стены Скарлетт не могла разглядеть из-за развешенных повсюду часов: одни шли в обратную сторону, у других были видны все колесики и рычажки, третьи двигались как игрушка-мозаика – на исходе часа их детали соединялись друг с другом. Карманные часы, запертые в массивной стеклянной коробке посреди магазина, могли, согласно надписи, поворачивать время вспять. При иных обстоятельствах Скарлетт заинтересовалась бы всем этим, но сейчас ей хотелось лишь одного – войти в круг тепла, которое, уютно потрескивая, распространял камин. Она была бы рада превратиться в лужицу, растаяв возле него. Хулиан снял решетку и поворошил поленья стоявшей рядом кочергой.

– Надо переодеться.

– Я... – начала Скарлетт, но замолчала, когда ее спутник направился к большим старинным часам палисандрового дерева.

На полу перед ними стояли две пары ботинок, а с навешенных часов с обеих сторон свисала одежда.

– Кажется, кто-то позаботился о тебе, – произнес Хулиан.

Предпочтя не замечать веселой насмешки, снова зазвучавшей в его голосе, Скарлетт подошла ближе. Рядом с платьем, на позолоченном столе с лунными часами, алели розы в

причудливой вазе, а возле них, на подносе, были приготовлены ломтики инжирного хлеба, чай с корицей и записка:

*Для Скарлетт Драньи и ее спутника.
Я рад, что вы смогли приехать.*

Легендо

Эти строки были написаны на той же бумаге с золочеными краями, что и письмо, которое Скарлетт получила дома.

«Неужели магистр так принимает всех своих гостей?» – подумала она. Ей трудно было поверить в то, что она особенная, однако едва ли каждый посетитель Каравалья получал персональное приветствие и красные розы.

– Ты позволишь? – спросил Хулиан, кашлянув, и взял с подноса кусок хлеба, а затем снял с вешалки одежду, предназначенную для него, и стал расстегивать ремень. – Будешь смотреть, как я переодеваюсь, или выставить тебя на улицу?

Скарлетт, внезапно смутившись, отвернулась. Этот моряк не имел решительно никакого представления об учтивом обхождении с дамой. Ей тоже нужно было переодеться, но она не знала, где найти укромное место. Комната, само собой, не могла уменьшиться с тех пор, как они вошли, и все же только теперь Скарлетт заметила, что от входной двери ее отделяют каких-нибудь десять футов.

– Если ты повернешься ко мне спиной, мы оба сможем переодеться.

– Мы сможем сделать это и лицом друг к другу, – ответил Хулиан. По голосу его чувствовалось, что он улыбается.

– Я не то имела в виду.

Хулиан тихонько хмыкнул. Когда Скарлетт подняла голову, он уже на нее не смотрел. Она не собиралась подглядывать, но не могла не заметить, что все его тело состоит из сплошных мускулов. Кожа между лопатками была изуродована толстым шрамом. Еще две отметины располагались ниже. Как будто его несколько раз ударили ножом в спину. Скарлетт вдруг почувствовала себя виноватой: не надо было смотреть. Судорожно глотнув воздух, она схватила сухую одежду и сосредоточилась на переодевании, стараясь не думать о том, какие тяготы выпали на долю Хулиана. На его месте она бы не хотела, чтобы чужие глаза видели шрамы.

Отец нередко оставлял на теле Скарлетт синяки, но со временем она научилась одеваться сама, и их никто не видел. Сейчас умение обходиться без помощи горничной могло ей пригодиться, однако с платьем, полученным от Легендо, посторонняя помощь не потребовалась бы никому. К разочарованию Скарлетт, оно оказалось совсем простеньким – не такими она представляла себе костюмы для Каравалья. Лиф тусклого бежевого цвета и гладкий подол. Ни корсета, ни нижних юбок, ни турнюра.

– Мне уже можно повернуться? – спросил Хулиан. – Вряд ли я увижу нечто особенное, такое, чего не видел до сих пор.

Скарлетт вспомнилось, как решительно он обхватил ее за талию, когда они плыли, и как от этого по ее телу от груди до бедер пробежала дрожь.

– Ты на редкость учтив, – язвительно заметила девушка.

– Я не о тебе говорил. У тебя я почти ничего не видел...

– Ладно, не оправдывайся. А повернуться уже можно. Я застегиваю ботинки.

Скарлетт повернулась сама и увидела Хулиана. Для него Легендо выбрал явно не худший костюм: галстук цвета полуночного неба был заправлен в превосходно подогнанный бордовый жилет. Темно-синий фрак подчеркивал мощные плечи и узкую талию. О том, что Хулиан – моряк, говорил лишь кортик, висевший у бедра.

– Ты выглядишь... по-новому, – сказала Скарлетт. – Уже не кажется, будто ты только что подрался в кабаке.

Хулиан слегка приосанился, восприняв ее слова как комплимент – пожалуй, не без оснований, хотя Скарлетт, признаться, и была несколько раздосадована тем, что внешний вид такого несносного человека может оказаться столь близким к совершенству. Правда, элегантный костюм не сделал его похожим на джентльмена, и дело было не только в небритых щеках и неровных волнах темных волос. В самом Хулиане таилось что-то дикое, чего не мог укротить ни один наряд. Резкие черты лица, пронизательный взгляд карих глаз – все это никуда не исчезло с появлением галстука и... А карманные часы, интересно, откуда?

– Ты их украл? – спросила Скарлетт.

– Взял поносить, – уточнил Хулиан, наматывая цепочку на палец, – как и ты – это платье. – Он оглядел свою спутницу с головы до ног и одобрительно кивнул. – Теперь я понимаю, почему Легендо прислал билеты именно тебе.

– Что ты хочешь этим ска... – Увидев свое отражение в зеркале, Скарлетт осеклась. Безрадостный оттенок бежевого сменился сочным светло-вишневым – цветом тайны и соблазна. Посередине лифа с глубоким овальным вырезом тянулся ряд бантиков, перекликаясь с гофрированным турнюром. Вместо простого подола появились фестончатые юбки – пять тонких слоев вишневого шелка, тюля и кружева. Даже грубая коричневая кожа ботинок превратилась в блестящую черную с кружевной отделкой, точь-в-точь как на платье.

Думая, что все это может быть обманом зрения – игрой света или зеркал, – Скарлетт провела по своему наряду руками. Вероятно, он сперва показался ей невзрачным из-за холода, сковавшего ее сознание? Нет, в глубине души Скарлетт знала, в чем дело: Легендо дал ей волшебное платье. Раньше она читала о таком только в сказках, а теперь не знала, что и думать. Материя была самая настоящая. Если девочка, живущая внутри ее, пришла от этого в восторг, то взрослой Скарлетт стало слегка не по себе. Сшито ли платье при помощи иглы или магических чар, отец никогда не позволил бы ей надеть такой броский туалет. Сейчас губернатор Дранья не видел дочь, но привлекать к себе внимание она по-прежнему не хотела.

Будучи весьма миловидной девушкой, Скарлетт зачастую старалась скрыть свою красоту. От матери она унаследовала густые темные волосы, выгодно оттеняющие оливковую кожу. Лицо у нее было более вытянутое, чем у Теллы, носик маленький и аккуратный, а глаза – ореховые, такие большие, что ей всегда казалось, будто они ее выдают.

На мгновение Скарлетт даже захотелось вернуть первоначальный бежевый наряд: девушек, одетых скромно, никто не замечает. Может, если бы она загадала такое желание, произошло бы обратное превращение? Скарлетт сосредоточилась и представила себе простое неяркое платье, но вишневым шелк от этого не поблек и не перестал плотно облегать те изгибы ее тела, которые она предпочла бы не показывать. Вспомнились слова Хулиана: «Теперь я понимаю, почему Легендо прислал билеты именно тебе». Неужели Скарлетт сбежала от отца, вовлекавшего ее в свои смертоносные игры, только затем, чтобы стать нарядной пешкой на другой доске?

– Если ты уже налюбовалась собой, – сказал Хулиан, – не продолжить ли нам поиски твоей сестры, которую тебе так не терпелось увидеть?

– Значит, ты тоже о ней беспокоишься?

– Не льсти мне, я не так благороден.

Как только Хулиан направился к выходу, все часы, какие только были в магазине, разом принялись бить.

– Советую вам выйти через другую дверь, – произнес незнакомый голос.

8

Толстый человек, вошедший в часовую лавку, сам немного походил на часы. Усы на его круглом лице напоминали часовую и минутную стрелки, глянцева коричневая ткань сюртука – полированное дерево, а застежки помочей – медные колесики.

– Мы не воры, – сказала Скарлетт, – мы...

– Говорите за себя, – ответил незнакомец, понизив и без того глубокий голос на несколько октав, и прищурился, разглядывая Хулиана.

Из опыта общения с отцом Скарлетт знала, что, приняв виноватый вид, только навредит себе. Смотреть на Хулиана сейчас не стоило, но она не удержалась.

– Так я и знал! – воскликнул толстяк, а когда молодой человек дотронулся до Скарлетт, словно желая подтолкнуть ее к двери, прибавил: – Нет-нет, не убегайте! Я пошутил. Я не Касабиан, не владелец этой лавки. Меня зовут Элджи, и мне все равно, даже если все ваши карманы набиты часами.

– Тогда зачем же вы пытаетесь нас задержать? – спросил Хулиан, держа одну руку на поясе, а другой нащупывая рукоять кортика.

– Этот юноша излишне подозрителен, вы не находите? – произнес Элджи, повернувшись к Скарлетт.

Однако для нее самой мир сейчас окрасился в серо-зеленый цвет – цвет подозрения. Ей это только показалось или часы в самом деле затикали быстрее?

– Идем, – сказала она Хулиану. – Телла, наверное, ужасно беспокоится о нас.

– Вы скорее найдете того, кого ищете, если пойдете этим путем.

Элджи подошел к палисандровым напольным часам, открыл стеклянную створку и потянул за один из грузов. Металлические циферблаты, соединенные на стене, как кусочки мозаики, пришли в движение: «Клик-клак!» Из их деталей сложилась красивая дверь с зубчатым колесом вместо ручки.

Элджи театрально взмахнул рукой:

– Только сегодня! За небольшую плату вам предлагается воспользоваться этим ходом – кратчайшей дорогой в самое сердце Каравая!

– Откуда нам знать, что эта дорога ведет не в ваш подвал? – спросил Хулиан.

– А вам кажется, что она похожа на дорогу в подвал? Прислушайтесь к своим ощущениям. – Элджи дотронулся до зубчатого колесика, и все часы в лавке мгновенно затихли. – Если пойдете по улице, то снова окажетесь на холоде, и вам еще придется проходить через ворота. А так вы сэкономите драгоценное время.

Он отпустил колесико, и все часы снова заработали: «Тик-так, тик-так».

Скарлетт не знала, стоит ли верить Элджи, но дверь в стене явно была непростой, как и

платье. Она словно бы занимала больше пространства, чем обычные предметы. Если за нею действительно начинался короткий путь на Караваль, Скарлетт и вправду могла быстрее отыскать сестру.

– Что вы за это просите?

Хулиан приподнял темные брови:

– Ты в самом деле хочешь пойти через этот ход?

– Да, если так я скорее найду Теллу. – Скарлетт предполагала, что ее провожатый будет только рад сократить путь, но его глаза нервно забегали по комнате. – По-твоему, это плохая мысль?

– По-моему, дым, который мы видели с улицы, идет от ворот Каравалья. Поэтому я лучше бы поберег деньги, – ответил он, протягивая руку к входной двери.

– Но вы ведь еще не знаете цену, – сказал Элджи.

Хулиан, бросив взгляд на Скарлетт, на секунду задержался. По лицу моряка промелькнула какая-то неуловимая тень, а когда он снова заговорил, его голос прозвучал натянуто:

– Поступай, как знаешь, Малиновая, но позволь мне дать тебе дружеский совет: прежде чем кому-нибудь довериться, сперва хорошенько подумай. Здешние люди в большинстве своем не такие, какими кажутся.

И он вышел под звон колокольчика. Скарлетт, конечно, не ждала, что Хулиан останется с ней навсегда, и все же его неожиданный уход не на шутку встревожил девушку.

– Постойте! – окликнул ее Элджи, когда и она тоже направилась к входной двери. – Я знаю: вы верите мне. Неужели вы побежите за этим мальчишкой и позволите ему решать все за вас, вместо того чтобы сделать выбор самостоятельно?

Скарлетт понимала, что нужно поскорее уйти. Помедлив, она могла навсегда упустить моряка из виду, а значит, оказаться в полном одиночестве. Но слово «выбор» удержало ее. Дома, где ей вечно приказывал отец, Скарлетт, по сути, никогда ничего не выбирала. А может, дело было в том, что та часть ее души, которая не желала расставаться с детскими мечтами, просто очень хотела поверить Элджи? Девушку, признаться, немало впечатлило то, с какой чудесной легкостью дверь вдруг возникла в стене и как все часы замолчали, когда толстяк дотронулся до странной ручки.

– Даже если бы ваше предложение и заинтересовало меня, денег у меня все равно нет.

– А кто вам сказал, что я прошу денег? – Элджи расправил кончики усов. – Я предлагаю сделку: мне нужен только ваш голос.

Скарлетт нервно усмехнулась:

– Едва ли такая сделка может быть честной.

«Разве можно забрать у человека голос?» – подумала она.

– Я возьму его всего на один час. Для того чтобы добраться туда, откуда идет дым, и вступить в игру, вам понадобится никак не меньше времени, а с моей помощью вы попадете внутрь немедленно. – Элджи достал из кармана часы и подкрутил обе стрелки. – Скажите «да», и этот механизм на шестьдесят минут заберет ваш голос, а за этой дверью для вас откроется самое сердце Каравалья.

Значит, Скарлетт могла незамедлительно найти сестру. Но вдруг Элджи лгал? Вдруг он намеревался лишить ее голоса не на час, а больше? Доверять незнакомому человеку не хотелось, особенно после предупреждения Хулиана. Сама мысль о потере голоса тоже страшила девушку. Ее крики не останавливали отца, когда он бил Теллу, но, имея голос,

можно было хотя бы кого-то позвать. Случись что-нибудь, пока Скарлетт нема, она будет абсолютно беспомощна: не сумеет даже прокричать имя сестры, если та мелькнет вдалеке. Кроме того, Телла могла дожидаться ее у ворот.

До сих пор Скарлетт выживала только благодаря своей осторожности. Когда губернатор Дранья заключал сделки, им почти всегда сопутствовало нечто ужасное, о чем он предпочитал умалчивать. Сталкиваться с этим Скарлетт вовсе не желала.

– Я лучше попробую пройти через общие ворота, – решила она наконец.

Усы Элджи поникли.

– Жаль, что вы отказываетесь от собственной выгоды. Сделка могла бы быть удачной.

Толстяк открыл дверцу, и Скарлетт на секунду увидела то, что за нею скрывалось: небо из тающих лимонов и пылающих персиков, узкие реки, похожие на нитки драгоценных камней, и смеющаяся девушка с медовыми локонами...

– Донателла!

Скарлетт бросилась к двери, но успела лишь прикоснуться к ней кончиками пальцев, после чего Элджи сразу же захлопнул ее:

– Нет!

Девушка ухватила за колесико и попыталась его повернуть – оно тут же рассыпалось в прах. Под ее растерянным взглядом детали часов разъединились и дверь исчезла.

Эх, надо было все-таки согласиться! Телла не упустила бы эту возможность. Видимо, именно так она и попала на Караваль несколькими часами раньше. Думать о последствиях и тревожиться о будущем было ей несвойственно. Старшая сестра всегда делала это за нее. Поняв, что Телла уже наверняка на Каравале, Скарлетт должна была испытать облегчение, но вместо этого начала беспокоиться, как бы сестренка без нее не попала в какую-нибудь переделку. Тайный ход за чудесной дверью помог бы ей быстро отыскать Донателлу. Однако Скарлетт не только не воспользовалась своим шансом, но в придачу умудрилась еще и потерять Хулиана.

Выскочив из лавки Касабиана, девушка бросилась бежать по улице и очень быстро снова замерзла. Казалось, она пробыла на острове совсем недолго, но утро уже прошло, да и полдень миновал. Теперь дома, похожие на шляпные коробки, стояли, скрытые свинцовой тенью.

«По-видимому, время здесь бежит особенно быстро, – подумала Скарлетт. – Не успею глазом моргнуть – на небе загорятся звезды». Она не только осталась одна, но и потеряла драгоценные минуты. День подходил к концу, а в приглашении говорилось, что пускаться на Караваль через главные ворота будут только до полуночи.

Ветер увивался за руками Скарлетт, заставляя ее прикрывать побелевшими пальцами запястья, которые не согревало платье.

– Хулиан! – с надеждой прокричала она.

Но недавнего спутника и след простыл. Скарлетт оказалась в полном одиночестве. Еще не зная, началась ли игра, она уже чувствовала, что проигрывает. В момент отчаяния бедняжке почудилось, будто дым исчез, но через секунду она увидела его снова. Над странными магазинчиками, погруженными в тень, поднимались кольца сладковатого дыма. Шел он из внушительной кирпичной трубы одного из самых больших домов, какие Скарлетт только доводилось видеть, – четырехэтажного, с элегантными башенками и балконами. В подвесных цветочницах обильно росли белые иберийки, пурпурные маки, оранжевые львиные зевы.

В спешке приближаясь к этому дому, Скарлетт, и без того замерзшая, совсем похолодела, заслышав чьи-то шаги, за которыми последовал тихий смешок.

– Выходит, ты все-таки не решилась принять то предложение? – (Девушка подпрыгнула.) – Не бойся, Малиновая, это всего лишь я, – произнес Хулиан, выходя из тени ближайшей постройки.

Как раз в это время солнце закатилось.

– Почему ты еще не там? – Скарлетт указала на дом с башенками.

Ей вроде бы стало спокойнее, оттого что теперь она не одна, и в то же время, снова увидев Хулиана, она встревожилась. Несколько минутами ранее он стремглав вылетел из часового магазина, а теперь шагал ей навстречу так неторопливо, будто ему совершенно некуда было спешить.

– Вероятно, я ждал тебя, – ответил он теплым дружеским тоном.

Но Скарлетт не верилось, что Хулиан просто стоял на месте в надежде увидеть ее. Тем более после того, как они расстались. Этот моряк явно о чем-то умалчивал. Или, упустив ту возможность, которая представилась ей в часовой лавке, Скарлетт просто стала излишне подозрительной? Она внушала себе, что скоро опять будет рядом с сестрой. Но вдруг, когда они с Хулианом проникнут внутрь, им не удастся отыскать Теллу?

Вблизи дом оказался еще больше, чем можно было подумать. Его деревянные балки словно продолжали расти, едва не упираясь в небо. Чтобы оглядеть все строение, Скарлетт пришлось запрокинуть голову. Чугунная ограда пятнадцати футов высотой была украшена фигурами, в чьих очертаниях вульгарность сочеталась с невинностью. Казалось, они двигались, даже лицедействовали: шаловливые юноши бежали за резвящимися девушками, ведьмы мчались верхом на тиграх, императоры восседали на слонах. В середине развевалось великолепное алое знамя, на котором серебряной нитью была вышита эмблема Каравая.

Будь они с Донателлой сейчас вместе, они бы, разглядывая все это, хохотали так, как могут хохотать только сестры. Телла притворилась бы равнодушной, но на самом деле пришла бы в восторг. С Хулианом все было иначе. Этот странный моряк не казался ни безразличным, ни восторженным. Он спас Скарлетт, и теперь она не могла не признать: он не такой негодяй, каким выглядит. Но и в то, что Хулиан – простой добрый мальчик, девушка тоже не верила. Сейчас ее спутник с подозрением разглядывал ворота. Плечи его напряглись, спина стала прямой и жесткой. Прежнюю ленивую расслабленность как рукой сняло. Хулиан напоминал змею, свернувшуюся в тугой клубок в ожидании схватки.

– Думаю, нам стоит пройти дальше и поискать ворота, – сказал он.

– Но вот же флаг! Нам сюда!

– Нет, думаю, вход не здесь. Доверься мне.

Скарлетт не доверяла Хулиану, однако после нелепой ошибки, совершенной в часовой лавке, себе она не доверяла тоже. К тому же ей не хотелось опять остаться одной. Пройдя около двадцати ярдов, они снова увидели знамя.

– По-моему, мы здесь уже были...

– Добро пожаловать! – произнесла темнокожая девушка, внезапно выехавшая навстречу Скарлетт и Хулиану на моноцикле. – Вы как раз вовремя.

Девушка на несколько секунд умолкла, и фонарики, висевшие на пиках ограды, один за другим зажглись золотисто-синими искрящими огнями. «Цвет детской мечты», – подумала Скарлетт.

– Обожаю, когда это происходит, – сказала девушка на моноцикле, захлопав в ладоши. –

А теперь, если не возражаете, я хотела бы взглянуть на ваши приглаательные билеты.

Билеты! Скарлетт совершенно о них забыла!

– Не беспокойся, любовь моя, они у меня.

Хулиан ни с того ни с сего вдруг обнял ее и крепко прижал к себе. «Любовь моя»? Неужели он и вправду так ее назвал?

– Пожалуйста, подыграй мне, – прошептал он ей в самое ухо и достал из кармана две полоски бумаги, немного выцветшие и помятые после купания в океане.

Скарлетт ничего не сказала. На одном из билетиков появилось ее имя. Потом девушка на моноцикле взяла второй и стала разглядывать его в свете фонаря.

– Странно. Обыкновенно на билетах бывают имена.

Скарлетт вдруг забеспокоилась:

– А по такому приглашению мы пройти не сможем?

Девушка посмотрела со своего моноцикла на Хулиана, и бодряя улыбка сошла с ее лица. Скарлетт хотела объяснить, как и от кого получила билеты, но моряк заговорил первым:

– Нас пригласил сам магистр Легендо. Мы скоро поженимся. Это свадебный подарок моей невесте, Скарлетт.

– О! – воскликнула привратница, снова хлопнув в ладоши. – Мне о вас говорили! Вы особые гости магистра! – Внимательно поглядев на Скарлетт, она прибавила: – Извините, мне следовало узнать ваше имя, но в такой суматохе и свое иной раз позабудешь.

Девушка рассмеялась, довольная собственной шуткой. Скарлетт тоже попыталась усмехнуться, но не могла сосредоточиться: мешала обнимавшая ее рука, а в ушах все звучало слово «невеста».

– Держите приглашения при себе, – произнесла привратница и, вернув билеты Хулиану, так на него посмотрела, словно хотела сказать ему еще что-то, но передумала.

Отведя глаза, она опустила руку в карман лоскутного жилета и извлекла оттуда черный свиток. Колесо ее моноцикла завертелось быстрее, поднимая с земли молочно-белые хлопья снега.

– Когда вы войдете, вам зачитают это еще раз. Магистр распорядился, чтобы все гости выслушивали приветственную речь дважды. – Привратница прокашлялась и, крутя педали во весь опор, стала читать: – «Добро пожаловать! Добро пожаловать на Караваль! Вас ожидает самое грандиозное представление на суше и на море! Вы увидите здесь столько чудес, сколько лишь немногие люди видят за целую жизнь! Вы сможете пить волшебство бокалами и покупать мечты бутылками. Но, входя в наш мир, помните: это только игра. То, с чем вы столкнетесь за этими воротами, может напугать вас или привести в восторг, но не позволяйте себя обманывать. Мы будем стараться убедить вас в подлинности происходящего, и все же это лишь спектакль, сотканный из фантазий. Мы хотим увлечь вас, однако не уносите слишком далеко. Оживший сон прекрасен, но он может превратиться в кошмар для того, кто не проснулся».

Девушка помолчала. Спицы колеса, которое крутилось все быстрее и быстрее, слились друг с другом. Кованые ворота открылись.

– Если хотите принять участие в игре, идите этой дорогой. – Слева от привратницы, осветив извилистую тропу, загорелись площадки с серебристым воском. – Если же вы лишь зрители... – Девушка кивком указала направо, и внезапный порыв ветра качнул бумажные фонари, лившие тыквенно-рыжий свет на другую тропинку.

Хулиан нагнул голову и прошептал Скарлетт:

– Только не говори мне, что приехала сюда просто посмотреть.

– Разумеется, нет, – сказала она, но поколебалась, прежде чем шагнуть влево.

Ночь уже сгустилась. Путь к началу игры мерцал подрагивающими огоньками свечей. За темными деревьями и цветущими кустарниками, которые росли вдоль тропы, притаились тени.

«Я приехала всего на один день», – напомнила себе Скарлетт.

Когда Скарлетт в сопровождении Хулиана прошла между коваными створками ворот, небо было черно: очевидно, луна в тот час оглядывала другую часть земного шара. Лишь некоторые упрямые звезды продолжали удерживать свои посты, наблюдая за тем, как юноша и девушка входят в мир, который для многих существует лишь в несбыточных фантазиях.

Если все вокруг внезапно погрузилось во тьму, то сам дом источал яркий маслянистый свет, отчего подвесные цветочницы под окнами казались наполненными звездной пылью. Прежний цитрусовый аромат улетучился. Теперь воздух был густым и сладким, как сироп, – гораздо слаще, чем на Трисде, – но Скарлетт все равно ощущала горечь. Ей не давало покоя присутствие Хулиана, чья рука до сих пор отягощала ее плечо. Когда он солгал перед воротами, выдав себя за графа, она была слишком взволнована, чтобы спорить, и слишком сильно хотела поскорее увидеть сестру. Но теперь ей стало не по себе: вдруг она совершила новую ошибку?

– Ну и как прикажешь это понимать? – наконец спросила Скарлетт, когда они уже прошли мимо привратницы, но еще не приблизились к огромным дверям дома. Прежде чем войти в круг пленительного света, она остановилась и стряхнула с себя руку Хулиана. Журчание воды в фонтане должно было заглушить ее слова, если кто-нибудь оказался бы в этот момент рядом. – Почему ты просто не сказал правду?

– Правду? – Хулиан издал невнятный звук, лишь отчасти напоминающий смешок. – Уверен, что правда не понравилась бы привратнице.

– Но ведь у тебя был билет! – возразила Скарлетт, чувствуя себя как человек, не уловивший суть анекдота.

– Видимо, ты думаешь, что эта милая девушка в конце концов пропустила бы меня? – Хулиан серьезно посмотрел на Скарлетт и придвинулся к ней поближе. – Не забывай, о чем я предупреждал тебя в часовой лавке: люди здесь в большинстве своем не такие, какими кажутся. Девушка должна была усыпить твою бдительность и хорошо сыграла свою роль. Организаторы праздника утверждают, будто не хотят слишком сильно кружить нам голову, но на самом деле в этом-то и заключается весь смысл игры. Легендо любит... играть. – Последнее слово Хулиан произнес с запинкой, как если бы хотел сказать что-то другое, но предпочел этого не делать. – Каждого гостя приглашают сюда по определенной причине, – продолжил он. – Хочешь знать, почему я солгал? Потому что твое приглашение предназначалось не для простого моряка.

«Оно предназначалось для графа», – подумала Скарлетт. В ее груди поднялась паника цвета киновари, когда она вспомнила, как своеобразно выглядело письмо магистра. Третий билет был прислан для ее жениха, а не для неотесанного мальчишки, который сейчас стоял рядом с ней, развязывая галстук. Решив задержаться на один день и вступить в игру, Скарлетт уже подвергла себя опасности. А изображать невесту Хулиана – это, на ее взгляд, и вовсе было то же самое, что специально искать на свою голову беду. Ведь она не знала, чего может потребовать от них совместное участие в игре. Да, этот моряк помог ей, но, солгав ради него, она совершила ошибку. За ошибки всегда приходится расплачиваться – вся ее жизнь служила

тому примером.

– Нужно вернуться и рассказать правду. Так нельзя. Если до отца или до моего жениха дойдут слухи о том, что я вела себя с тобой так, будто мы...

В ту же секунду Скарлетт оказалась прижатой к фонтану. С обеих сторон от нее Хулиан поставил руки (какими же крошечными были по сравнению с ними ее собственные).

– Будь спокойна, Малиновая. – Его голос прозвучал необычайно мягко, но спокойствие окончательно покинуло Скарлетт. С каждым словом он все надвигался и надвигался на девушку. Наконец дом с огнями исчез, и она уже ничего не видела, кроме склонившегося над ней лица. – Ни до твоего родителя, ни до преданного графа ничего не дойдет. Как только мы окажемся в этом доме, все, кроме игры, перестанет быть важным. Здесь всем безразлично, кто есть кто в обычной жизни.

– Откуда ты знаешь? – спросила Скарлетт.

– Я уже играл, – лукаво улыбнулся Хулиан, выпрямляясь и отходя от фонтана.

Скарлетт снова увидела яркие огни дома с башенками, но по коже ее пробежал холодок. Впервые встретив Хулиана на родном острове, Скарлетт сразу почувствовала некоторое недоверие к нему, но, похоже, он скрывал еще больше, чем она могла заподозрить вначале.

– Так вот зачем ты помог нам с сестрой приехать сюда? Хотел поучаствовать в игре еще раз?

– А если я скажу, что мечтал лишь об одном – спасти тебя от отца, – ты мне поверишь?

Скарлетт покачала головой. Хулиан, пожав плечами, стянул с себя галстук и бросил его в фонтан. Полоска шелка с тихим плеском упала в воду.

Значит, этот молодой человек на Каравале не впервые! Тогда ясно, почему он держался столь самоуверенно и почему, высадившись на острове, действовал так целеустремленно и ничему не удивлялся.

– Ты смотришь такими глазами, будто я тебя чем-то обидел.

Скарлетт понимала: огорчаться повода нет, ведь они с Хулианом друг другу никто. И все же она ненавидела, когда ее обманывали, потому что успела уже наслушаться лжи на целую жизнь вперед.

– Зачем ты снова решил приехать на Караваль?

– А разве нужна причина? Ведь каждому хочется увидеть волшебное представление! И даже выиграть приз, разве нет?

– Я тебе почему-то не верю.

Можно было, конечно, допустить, что Хулиана привлекла обещанная в этом году награда – исполнение желания. Но тайный внутренний голос подсказывал Скарлетт: дело в чем-то другом. Желания загадывают те, кто верит в чудеса, а Хулиан, судя по всему, верит только в то, что видит собственными глазами.

Правила игры год от года менялись, но некоторые вещи оставались, по слухам, неизменными. Участники ее всегда искали какое-нибудь сокровище, чаще всего магический предмет вроде короны, скипетра, кольца, медальона или дощечки с письменами. Победитель получал право приехать в следующий раз, взяв с собой гостя. Хотя и это едва ли могло привлечь Хулиана: он сам прекрасно находил людей, с чьей помощью можно пробраться на остров. Даже сама Скарлетт не вполне верила в исполнение желаний, а уж чтобы Хулиан прельстился чем-то подобным... Нет, желания и мечты, магия и фантазии явно были здесь ни при чем.

– Скажи мне, зачем ты сюда приехал.

– Поверь: тебе лучше не знать, – ответил Хулиан, приняв участливый вид. – Это отравит тебе удовольствие.

– Ты просто не хочешь сказать мне правду.

– Нет, Малиновая, на этот раз я именно правду и говорю.

Он не мигая смотрел в лицо Скарлетт. Чтобы выдержать этот неподвижный взгляд, ей пришлось взять себя в руки. Девушка содрогнулась, поняв, что прежняя ленивая беспечность Хулиана была лишь маской. Он, наверное, и дальше мог играть роль мальчишки, случайно встретившего двух сестер, у которых есть лишний билет на Караваль. Но пускай он и отказывался говорить прямо, ему почему-то захотелось намекнуть Скарлетт, что все не так просто.

– Не буду с тобой спорить, Малиновая. – Хулиан потянулся, разминая плечи и спину, а затем произнес так, будто внезапно принял какое-то решение: – Поверь мне: если я и стремлюсь попасть в этот дом, у меня есть на то веские причины. Если хочешь вернуться и выдать меня – я не стану мешать и не затаю на тебя зла. Между прочим, сегодня я спас тебе жизнь.

– Ты сделал это только затем, чтобы использовать меня в качестве входного билета.

Лицо Хулиана потемнело.

– Ты и в самом деле так думаешь?

На секунду Скарлетт показалось, будто он и вправду уязвлен, но она знала: этот человек лишь пытается сделать ее своим орудием. Были признаки, которые указывали на это. Однако, несмотря на то что она так долго служила пешкой в руках отца (или, наоборот, как раз именно поэтому), у нее не получалось защищать себя от подобных поползновений. Не желая вновь становиться жертвой обмана, Скарлетт не могла не признать: Хулиан действительно спас ей жизнь.

– А Телла? Твоя ложь как-то касается вашей связи?

– То, что между нами было, я бы связью не назвал. – Хулиан стряхнул с плеча соринку, словно показывая, как мало Донателла для него значит. – Твоя сестра использовала меня не в меньшей степени, чем я ее.

– А теперь ты используешь меня, – сказала Скарлетт.

– Пускай тебя это не смущает. Я в эту игру уже играл и могу помочь тебе. Кто знает? Вероятно, тебе даже понравится. – Хулиан снова превратился в беспечного моряка, и в его голосе зазвучали шаловливые нотки. – Многие девушки были бы рады оказаться на твоём месте, – прибавил он, проведя холодным пальцем по щеке Скарлетт.

– Нет! – Она попятилась. Его прикосновение оставило на ее коже зудящий след. – Даже если я соглашусь, *этого* между нами не будет. Я по-прежнему намерена выйти замуж. Мы можем всем говорить, будто помолвлены, но не должны вести себя как жених и невеста, когда на нас никто не смотрит.

Хулиан приподнял уголок рта:

– То есть ты не собираешься меня выдавать?

Он был последним человеком, с которым Скарлетт хотелось иметь дело. Но вместе с тем она боялась задержаться на острове дольше, чем на сутки. Хулиан был опытным игроком, и ей могла понадобиться его помощь, чтобы поскорее отыскать сестру.

К воротам подошли новые гости. Издалека до Скарлетт донесся приглушенный гул их голосов. Девушка на моноцикле захлопала в ладоши, и эхо подхватило хлопки. В доме заиграла скрипка: музыка, вязкая, как самый темный шоколад, полилась из окон, словно что-

то нашептывая Скарлетт. Хулиан улыбнулся. В изгибе его рта она увидела соблазн и бесстыдство. Его губы словно бы приглашали ее в такие места, о каких благонравные молодые дамы даже не помышляют, не говоря уж о том, чтобы их посещать. Скарлетт и знать не хотелось, на что такая улыбка толкает других женщин.

– Не надо этих взглядов. Я на них не поддаюсь.

– Именно этим ты меня и забавляешь.

10

Скарлетт любила свою бабушку, хотя и считала ее одной из тех женщин, которые не способны до конца примириться с собственной старостью. В последние годы жизни бабушка только и делала, что похвалялась своим блистательным прошлым. Ну до чего же она была красива! Как ее обожали мужчины! Как завидовали ей все девушки, когда она явилась на Караваль в лиловом платье!

Это платье маленькая Скарлетт видела много раз. Прежде чем девочка успела возненавидеть лиловый цвет, оно казалось ей самым великолепным нарядом на свете.

– Можно мне его надеть? – спросила она однажды.

– Даже и не думай! Это тебе не игрушка.

В тот же день бабушка спрятала платье. Но в памяти внучки оно осталось навсегда. Скарлетт вспомнила о нем, когда перед нею распахнулись двери дома с башенками.

«Странно, – подумала она, – что бабушкин лиловый туалет не затерялся среди такой роскоши. А действительно ли бабушка здесь была?»

Шум шагов Скарлетт тонул в пушистом ворсе красных ковров, золотистый свет мягко целовал ей руки. Всего мгновение назад мир был скован холодом, а теперь кругом струилось тепло. Слово пенясь на языке, оно таяло внутри, как сахар, вызывая легкое покалывание во всем теле: от пальцев рук до пальцев ног.

– Это... – Скарлетт не смогла выразить своих чувств: слова вроде «прекрасно» или «чудесно» казались слишком банальными для столь необыкновенного зрелища.

Внутри особняк с башенками был не таким, каким казался снаружи. Войдя в дверь, Скарлетт и Хулиан оказались не в комнате, а на балконе, хотя размером он мог бы поспорить с целым небольшим домом. Хрустальный балдахин служил ему крышей; на полу лежал плюш цвета клюквы; перила и арки, завешенные тяжелым красным бархатом, переливались позолотой.

Спустя секунду после того, как Скарлетт и ее провожатый вошли, портьеры, шурша, сомкнулись, но девушка успела увидеть, какое великолепие за ними скрывалось. Хулиан сохранил равнодушный вид и только усмехнулся, заметив растерянность своей спутницы, к которой до сих пор не вернулся дар речи.

– А я уж было стал забывать, что ты впервые в жизни покинула родной островок!

– От такого любой онемееет! – возразила Скарлетт. – Только посмотри, сколько вокруг балконов – десятки! А там, внизу, – целое королевство в миниатюре.

– Неужели ты ожидала увидеть обыкновенный дом?

– Конечно же нет. Сразу было видно, что это здание гораздо больше обыкновенного дома.

И все-таки Скарлетт не понимала, как в одном строении, даже самом просторном,

может уместиться тот мир, который бурлил под балконом. Не в силах сдерживать волнение, она шагнула к парапету и в нерешительности остановилась перед тяжелым красным бархатом задернутых занавесей. Хулиан приоткрыл одну из портьер.

– Думаю, мы не должны их трогать, – сказала Скарлетт.

– А по-моему, они для того и закрылись при нашем появлении, чтобы мы сами их открыли.

С этими словами Хулиан раздвинул занавеси шире. Будучи уверенной, что нарушает правила игры, Скарлетт все же не могла не подойти и не выглянуть: по меньшей мере десять ярусами ниже простирался чудесный город. Его мощные улочки напоминали те, по которым она только что бродила, однако отнюдь не казались заброшенными. Яркие островерхие крыши, поросшие мхом башенки, пряничные домики, золотые мосты, голубой кирпич на дорогах, бурлящие фонтаны – все это было ожившей сказкой. Свечные люстры, висевшие повсюду, струили странный свет, не утренний и не вечерний.

По своему подлинному размеру городок, пожалуй, не превосходил того островного поселения, откуда Скарлетт приехала, однако выглядел гораздо больше и значительнее, – так слово становится более значительным, если рядом с ним поставить восклицательный знак. На улицах кипела жизнь, и казалось даже, будто они сами находятся в движении.

– Не могу понять, как все это здесь уместилось.

– Это лишь искусно выстроенный театр, – сухо ответил Хулиан, и его взгляд метнулся вверх, скользнув по другим балконам, с которых открывался тот же самый вид.

Только теперь Скарлетт поняла, что балконы образуют круг – огромный круг. Открытие огорчило ее. Иногда ей приходилось целый день разыскивать Теллу в поместье отца. Найти сестру здесь будет еще труднее.

– Смотри, пока можно, – сказал Хулиан. – Чем лучше разглядишь все сейчас сверху, тем легче тебе будет потом внизу. Спустившись, ты уже не сможешь сюда подняться, если только не...

– Хм, – кашлянул кто-то в глубине балкона. – Прошу вас отойти от края и задернуть шторы.

Скарлетт тут же обернулась, испугавшись, что их прогонят за нарушение правил, но Хулиан, прежде чем отпустить портьеру, еще раз неторопливо посмотрел вниз.

– Кто вы? – Он смерил вошедшего молодого человека таким взглядом, будто сам собирался в чем-то его обвинить.

– Зовите меня Рупертом, – ответил юноша тем же пренебрежительным тоном, словно зная, что Хулиан проник на Караваль обманом.

Ростом Руперт был так мал, что, если бы не цилиндр, который он сейчас торжественно поправил, Скарлетт, вероятно, оказалась бы выше его. В безукоризненно отглаженных серых брюках и фраке он издали походил на мужчину, но, стоило ему приблизиться, Скарлетт сразу поняла: перед ней мальчик, одетый по-взрослому. Со щек до сих пор не сошла детская пухлость, руки и ноги еще продолжали расти, отчего Руперт выглядел нескладным. Щеголеватый наряд был, очевидно, данью восхищения Легендо, который славился изысканностью в одежде.

– Я здесь для того, чтобы напомнить вам правила и ответить на ваши вопросы, прежде чем вы вступите в игру.

Без дальнейших предисловий Руперт повторил речь, произнесенную у ворот девушкой на моноцикле. Скарлетт хотелось только одного – скорее начать поиски сестры, которая, как

это было ей свойственно, наверняка не замедлила впутаться в какую-нибудь доселе неизведанную неприятность.

– Слушай внимательно, – шепотом сказал Хулиан, подтолкнув Скарлетт.

– Мы это уже слышали.

– Ты уверена?

– Как только вы вступите в игру, вам будет предложено разгадать тайну, – продолжал Руперт. – По пути вы получите несколько скрытых подсказок. Мы хотим увлечь вас, однако не уносите слишком далеко.

– А что произойдет, если я позволю игре унести себя слишком далеко? – уточнила Скарлетт.

– В таких случаях люди обыкновенно сходят с ума или умирают, – произнес мальчик так невозмутимо, что она подумала: «Уж не ослышалась ли я?»

Все с тем же спокойствием он снял цилиндр, извлек из тульи два куска розовато-бежевого пергамента и протянул их гостям как будто для прочтения, однако буквы оказались слишком мелкими.

– Вы должны оставить по капле крови внизу каждой страницы.

– Зачем? – спросила Скарлетт.

– Таким образом вы подтвердите, что дважды прослушали правила. Следовательно, магистр Легендо не будет нести ответственность за случаи увечья, умопомешательства или смерти.

– Но ведь вы сказали, что все, происходящее здесь, – вымысел!

– Люди зачастую путают вымысел с реальностью. Потому и случаются происшествия. Редко, но случаются, – пояснил Руперт и прибавил: – Если боитесь, вы вовсе не обязаны играть. Можете просто наблюдать за игрой.

Когда мальчик дошел до конца своей речи, вид у него был почти скучающий. Скарлетт почувствовала себя так, будто разнервничалась из-за пустяка. Она ясно представила себе, как Телла говорит ей: «Скар, ты приехала всего на один день. И потом пожалеешь, если будешь просто сидеть и смотреть». И все же необходимость подписывать соглашение кровью тревожила девушку.

«Вдруг, если Донателла решится играть, а я нет, это мешает мне вовремя ее найти? – подумала Скарлетт. – Тогда я задержусь здесь и не успею вовремя вернуться домой, чтобы выйти замуж за графа».

Несмотря на объяснения Руперта, она лишь в общих чертах представляла себе, в чем заключается игра. В детстве ей хотелось как можно больше почерпнуть из рассказов бабушки, но та всегда говорила туманно, предпочитая действительным фактам романтические впечатления. Сейчас внучке начинало казаться, что, повествуя о прошлом, старая дама изображала его не таким, каким оно было на самом деле, а таким, каким рисовалось ей в мечтах.

Скарлетт взглянула на Хулиана: моряк без малейших колебаний протянул Руперту палец, а когда тот уколол его каким-то шипом, поставил на каждом из двух листов кровавый отпечаток.

Двумя годами ранее магистр Легендо перестал гастролировать со своими артистами из-за того, что во время Каравалья погибла женщина. Скарлетт слыхала об этом, однако подробностей не знала. До сих пор она полагала, будто несчастный случай не имел отношения к игре, но сейчас ей подумалось: «Возможно, та несчастная чересчур увлеклась

иллюзией Каравалья?»

Как бы то ни было, Скарлетт всю жизнь играла в извращенные игры своего отца и умела понимать, когда ее обманывают. Едва ли она могла бы увлечься представлением настолько, чтобы лишиться жизни или рассудка. При всем том, протягивая руку, девушка испытывала страх. «Глупо надеяться, – думала она, – что можно играть, ничем не рискуя».

Руперт сделал прокол очень быстро: Скарлетт почти ничего не почувствовала. Но как только подушечка ее безымянного пальца коснулась тонкого листа, вокруг словно погасли огни. Однако, когда она отняла руку, все стало еще ярче, чем прежде. Скарлетт даже показалось, будто она ощущает, каков на вкус багрянец портьер: это был шоколадный бисквит, пропитанный вином.

Вино Скарлетт однажды пробовала, но сомневалась, чтобы даже целая бутылка могла подарить ей столь радужное возбуждение. Невзирая на все свои опасения, в тот миг она испытала непривычное чувство ничем не омраченного ликования.

– Игра начнется завтра на закате и окончится девятнадцатого числа, также с заходом солнца. В распоряжении каждого игрока пять ночей, – пояснил Руперт. – В начале пути каждому из вас будет дана одна подсказка. Дальнейшие подсказки придется искать самостоятельно. Советую действовать быстро: приз только один, а желающих получить его много.

Подойдя ближе, мальчик протянул гостям по карточке с надписью: «*La Serpiente de Cristal*»^[5].

– У меня такая же, как у тебя, – заметил Хулиан.

– Это и есть первая подсказка? – спросила Скарлетт.

– Нет, – ответил Руперт. – «Стеклянная змея» – это название гостиницы, где для вас приготовлены комнаты. Первую подсказку вы найдете там, но только если успеете попасть туда до рассвета.

– А что произойдет на рассвете?

Словно не услышав ее вопроса, мальчик потянул за шнурок, и занавеси раскрылись. В небо вспорхнули серые птицы. Улицы, пестревшие внизу, стали оживленнее, а другие балконы, напротив, опустели: всех игроков впускали в город одновременно. Скарлетт снова ощутила прилив серебристого восторга. Вот он – Караваль! В своих девичьих мечтах она рисовала себе это место чаще, чем собственную свадьбу. Зная, что может пробыть здесь только сутки, она уже воображала, как тяжело ей будет отсюда уезжать.

Руперт коснулся пальцами полей цилиндра:

– Помните: вы не должны позволять своим чувствам обманывать вас.

После этих слов мальчик поднялся на парапет балкона и спрыгнул вниз.

– Нет! – вскричала Скарлетт, и кровь отхлынула от ее лица.

– Не беспокойся, – сказал Хулиан. – Погляди! – Он подошел к перилам и указал на летящего Руперта: фалды его фрака превратились в крылья. – Все в порядке. Просто эффектный уход.

Подросток в сером фраке скользил в воздухе до тех пор, пока не стал похожим на одну из больших птиц. Очевидно, это была первая шутка, которую сыграло со Скарлетт ее зрение.

– Идем, – решительно произнес Хулиан, явно ожидая, что девушка последует за ним. – Если бы ты внимательно слушала, ты бы усвоила, что на рассвете все закроется. У этой игры перевернутый распорядок: утром и днем двери бывают заперты, а отпирают их только после захода солнца. Мы должны поторопиться, если хотим успеть в свои комнаты.

Пройдя вглубь балкона, Хулиан остановился. У его ног открылась потайная дверца, через которую, очевидно, Руперт незаметно вошел несколькими минутами ранее. Винтовая лестница из черного мрамора вела вниз, скручиваясь, как панцирь моллюска. Со стеклянных подсвечников капал воск оплывающих свечей.

– Малиновая! – произнес Хулиан, задержав Скарлетт на пороге.

Его лицо на миг приняло напряженное выражение – как в тот момент, когда он, оставив свою спутницу, покинул часовую лавку.

– В чем дело?

– Нам нужно поторопиться.

Хулиан пропустил Скарлетт вперед, и уже через несколько пролетов ей захотелось, чтобы он сам пошел первым или вовсе бросил ее на произвол судьбы (девушке подумалось, что именно таким и было его намерение, когда он замешкался наверху). Теперь каждый шаг Скарлетт казался ему слишком медленным.

– У нас не целая вечность в запасе, – твердил моряк. – Если не явимся в гостиницу до рассвета...

– Нам придется торчать на холоде до следующей ночи. Знаю. Я спускаюсь так быстро, как только могу.

Скарлетт полагала, что их балкон находился на десятом этаже. Теперь ей чудилось, будто этажей было сто. «Нет, – думала она, – никогда мне не отыскать Теллу!»

Вероятно, спуск давался бы девушке легче, если бы не упрямое платье, которое отказывалось принимать более удобную форму, как она ни дергала подол. Когда они с Хулианом наконец-то вышли на улицу, ее щиколотки дрожали, а бедра успели покрыться тонкой пеленой пота.

Воздух снаружи был прохладным и немного влажным, но снега под ногами, к счастью, не оказалось. Влагу испаряли каналы: сверху Скарлетт не поняла, что половина улиц – вовсе даже не улицы. Кругом плавали полосатые лодки, изогнутые полумесяцем, яркие, точно экзотические птицы. Ими управляли юноши и девушки, но Донателлы нигде видно не было.

Хулиан остановил аквамариную лодку с красными полосами. У руля стояла девушка в одежде той же расцветки. Даже губы ее были накрашены алой помадой, и Скарлетт невольно заметила, как они разомкнулись, когда Хулиан приблизился.

– Чем могу быть вам полезна, голубки? – спросила она.

– Если здесь и есть голубка, так это ты, – ответил Хулиан, проведя пальцами по волосам и ослепив девушку улыбкой, сотканной из лжи и других греховных вещей. – Мы должны до рассвета попасть в «Стеклянную змею». Отвезешь нас?

– Отвезу вас куда угодно, коли заплатите, – ответила красногубая; она с нажимом произнесла последнее слово.

Вспомнив часовую лавку, Скарлетт поняла: плата, о которой идет речь, не денежная. Очевидно, монеты были здесь не в большом ходу.

– Нам сказали, – невозмутимо произнес Хулиан, – что первая поездка для нас бесплатная. Моя невеста прибыла сюда по особому приглашению магистра Легендо.

– В самом деле? – Девушка недоверчиво прищурилась, однако, к удивлению Скарлетт, жестом пригласила их сесть. – Негоже разочаровывать особых гостей Легендо.

Хулиан проворно запрыгнул в лодку и поманил Скарлетт. Суденышко выглядело надежнее того плота, на котором они приплыли на остров. Скамьи были выложены стегаными подушками. И все же Скарлетт не могла заставить себя сойти с тротуара.

Isla de los Sueños – остров Грѣз (*исп.*). – *Здесь и далее примеч. перев.*

«El Beso Dorado» – «Золотой поцелуй» (*исп.*).

Бабушка (*исп.*).

Scarlet – ярко-красный, алый, багровый (англ.).

«Стеклянная змея» (исп.).